

АЛЕКСАНДР
СЛЕПАКОВ

Повесть
о СОВЕТСКОМ
ВАМПИРЕ

Александр Слепаков

Повесть о советском вампире

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8658084

Александр Слепаков. Повесть о советском вампире: Эксмо; Москва;

2014

ISBN 978-5-699-76955-1

Аннотация

Вампирские страсти взрывают тихую жизнь советского села. Где-то там космонавтов запускают, искусственный интеллект в помощь обычному создают и опережают в области балета весь мир. А тут человек встал из могилы и пьет кровь. Развитой социализм на дворе, разве так можно? Партийные органы должны реагировать, а как? Попа звать? Но что-то надо делать, потому что очень страшно.

Вампир берет себе женщину, из университетских, приехавших из города. Ослепленный страстью местный милиционер идет по следам – вампира, женщины и собственного неразделенного чувства. Он хочет ее спасти, но она не хочет быть спасенной. А что делать самому вампиру?

Содержание

Несколько слов	4
1. Хутор Усьман	6
2. Первое появление	16
3. Второе появление вампира	19
4. Утро с участковым	27
5. Елизавета Петровна	32
6. Первое проявление вампиризма	35
7. Снова Елизавета Петровна	41
8. Первый смертельный случай	45
9. Местная власть реагирует	49
10. Поп, второй случай	52
11. Вмешательство партийных органов	54
12. Опять Елизавета Петровна	59
13. Затишье	62
14. Приезд лектора	64
15. Ужин у парторга	67
16. Разговор Фролова с лектором	71
17. Начало эволюции Фролова	77
18. Встреча у реки	79
19. Тамара Борисовна	83
20. Народные дружинники	85
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Александр Слепаков

Повесть о советском вампире

*Большое спасибо Лене, без которой эта книга
никогда не была бы написана.*

Несколько слов

Эту рукопись нам передал журналист газеты «Вечерний Ростов», пишущий на сельскую тематику. Он человек уже немолодой, а в «Вечерний Ростов» перешел из газеты «Молот», бывшего печатного органа Ростовского обкома КПСС. От общих знакомых он узнал, что мы интересуемся Кобяковым городищем, системой пещер, вход в которые находится недалеко от города Аксая Ростовской области. Про эти пещеры ходит дурная слава, что в них живет что-то ужасное, древнее и магическое, что там гибли люди и пропадал скот. С этим местом связано множество историй о каких-то разбойниках, бандитах, итальянских аристократах-авантюристах, появляющихся привидениях и так далее. И вроде Советская армия строила там то ли подземные склады, то ли что-то такое интересное, замаскированное под подземные

склады...

Сам он не имел намерений печатать рукопись. Как мы поняли из разговора, что-то произошло в его жизни, из-за чего он потерял к этим своим запискам всякий интерес. Что конкретно – он не сказал, и видно было, что расспросы ему неприятны. Но в реальности самих описанных там событий он был абсолютно уверен. Несмотря на то, что речь во многих случаях идет о вещах совершенно диких и неправдоподобных, его уверенность тем более удивительна, что он производит впечатление человека скорее несклонного к фантазиям.

Изложенное в рукописи показалось нам стоящим того, чтобы после незначительной редакции быть представленным вниманию уважаемого читателя.

1. Хутор Усьман

Смотришь, бывало, на родной совхоз и думаешь: «Какая скука!» Но ты не прав, просто ты не умеешь смотреть. Или, может, смотреть ты умеешь, а вот видеть ты не умеешь. Потому что за тем, что открыто всем, таится другое, которое увидит далеко не каждый. И то, что бросается в глаза на первый взгляд, – это почти всегда не то, что есть на самом деле.

Короче, тогда вот тут все и началось. Летом 1981 года. На хуторе Усьман, что Багаевского района Ростовской области (обожаю эту конструкцию «что Багаевского района...», советский газетный стилистический изумруд).

Правда, мужики показывают пальцем на лоб, мол, дурак, и сами не верят в то, что это действительно было. Хотя и видели своими глазами. Ну, видели. Ну и что? Проходит время, и начинает казаться, что вроде что-то и было. Но что – точно неизвестно. И уже не помнишь, что ты видел сам, а что слышал от кого-то. А ведь этот кто-то мог и приврать.

Но я как раз все отлично помню. Я к тому же всех знаю на хуторе, так как я сам оттуда. И я там был, когда это началось. Меня как раз выгнали из газеты «Семикаракорский комсомолец» за идейные шатания. И я стал нарочно писать про этого вампира. Вот, мол, вам репортаж из советского села: заготовка кормов, огурцы и вампир. Я всех расспрашивал, вникал, так что я по вампиру в курсе дела.

А не верят мужики, потому что как в такое поверить. Ну вы сами посудите. Откуда в Советском Союзе вампир?

У нас в Советском Союзе много чего было: ракеты и танки, комбайны и Цимлянское водохранилище. У нас были коммунисты и беспартийные, балерины и профсоюзные работники. А вот вампиров не должно было быть. Вот чего-чего, а вампиров никак не должно было быть. Если Бога нет, то вампиров тогда уже точно нет. Потому что Бог – это еще туда-сюда. Бога по-любому потрогать нельзя. А вот вампира можно потрогать, и он сам может тебя так потрогать, что ты врежешь, как говорится, дуба от ужаса и потери крови. Ну, в том смысле, что Бог далеко, а вампир может оказаться очень близко.

На селе все должно иметь научное объяснение. Когда пар поднимается на полях, значит, воздух холоднее земли, вот над ней влага и конденсируется. Все – по-научному. А когда человек из могилы встает и у живых кровь пьет, на это наука объяснения не имеет. Ни психология это тебе не объяснит, ни медицина, ни марксизм-ленинизм, у которого, как известно, есть три источника и три составные части... Вот идет мужик по полю. Споткнулся, упал и разбил себе губу. Чем ты это объяснишь? Ну, например, тем, что мужик был бухой. Это какое-никакое, но все-таки научное объяснение. Но чтоб человек вчера умер, а сегодня ночью по хутору ходил, да еще чтоб его никто не узнавал...

В общем, мужики теперь и сами не верят... А пять могил

на кладбище ты куда денешь? А сгоревший автобусик? И не только автобусик. А Хорошеева, первого секретаря райкома партии, убрали потом от греха подальше. Перевели хер знает куда – не то в Краснодарский край, не то в Ставропольский, – потому что негоже секретарю райкома у себя в районе вампиров разводить.

И никто ничего не мог сделать. Партийные органы оказались против вампира бессильны. Военные вроде бы помогли, но сначала только хуже сделали. Только милиция и помогла. Из Ростова, из Областного управления МВД присланная, да и наш местный участковый. Но это потом, а сначала – ни хера. Вы извините, что я выражаюсь, – это я от волнения. Это ж я пишу – никому не показываю, а вас, дорогие друзья, я для себя придумываю – иначе как писать? Нас про урожай писать учили, про социалистическое соревнование писать учили. Даже про любовь, если она моральному облику строителя коммунизма соответствует, нас писать тоже учили. А про вампира – твою ж мать! – нас писать никто не учил.

Уже потом, по прошествии времени, появление вампира у меня почему-то связалось с развалом Советского Союза. Что меня поразило? Советский Союз ну никак не мог развалиться. Ну никак не мог! А он растаял, исчез из воздуха вокруг нас, это было как мистика какая-то хренова. Был и нет. Главное, все вроде стоит, как стояло. Те же дома, улицы... Да что я говорю, люди – те же! Все – то же. А Советского Союза нет. И ты смотришь в окно, видишь то, что сто раз видел, и

понимаешь: это больше не Советский Союз, это теперь что-то другое. Но как?! А вот так. Не Советский Союз, и все. И магазин больше – не Советский Союз, и кирпичный забор за магазином – тоже теперь не Советский Союз. И слово, написанное на заборе, – тоже уже не Советский Союз. Причем слово – необязательно плохое. Слова, между прочим, на заборе разные писали, я, например, однажды видел слово «экзистенциализм». Но это не у нас на хуторе, конечно. Это в городе. В Ростове-на-Дону. Я там учился на факультете журналистики.

А в слове «экзистенциализм», кстати, ничего смешного нет. Это такое учение, в основе которого лежит философский принцип: жить – не помирать! Ну как-то так. И этот их Жан-Поль Сартр, он говорил, что жизнь по большому счету – это то, что ты чувствуешь.

И значит, по логике, если ты чувствуешь, что Советского Союза нет, значит, его и нет. А если ты видишь и слышишь, то есть опять-таки чувствуешь, что вампир есть, то, значит, он есть, хотя его и не должно быть. Не могло же быть вампира. А он был. И Советский Союз не мог развалиться. А его не стало. Дела...

Короче, был у нас на хуторе мужик, странный был мужик, такой плотный, я бы сказал даже, что немного жирный. Это я бы сказал из чувства такта, а по правде говоря, жирных на хуторе хватало, а он был просто очень сильно жирный, ну прямо страшно исключительно жирный, иначе нет возмож-

ности его характеризовать. И кушал он, товарищи, хорошо... Обычный с виду мужик... Только он с войны пришел уже какой-то тронутый. Вроде не раненый – руки-ноги на месте... Женился, потом жена умерла. Остался он один и больше уже не женился. Говорят, что у него была медаль за взятие Бухареста. Так он и остался в нашем совхозе, работал в гараже, потом счетоводом.

Я его помню – обычный мужик! Бабы рассказывают, он, как на пенсию вышел, сидит у себя целый день в беседке и что-то жрет – никого ж нет – детей нет, внуков нет – не обзавелся, время ж надо как-то убить. По телевизору передачи не очень интересные показывают, хозяйство небольшое для одного человека, время девать некуда. А он как раз любил поесть. И что интересно, спиваться мужики часто спиваются, у нас на хуторе много кто спивается, но не совсем чтобы до конца, но всякое бывает, и за бабой с топором гонялись. И по ночам на совхозной лошади девок университетских пугали. Случались тоже запои. И происходили деяния, за которые наказания предусмотрены Уголовным кодексом СССР. Но чтоб вот так известить себя жратвой – этого у нас в совхозе не было. Мужик, наверное, повредился умом на войне, но не сильно, не так, чтобы бросалось в глаза, но был со странностями. И пошел он не по питейной части, а чисто по линии жратвы.

Он пенсию получал, сторожем подрабатывал, огород небольшой – все свое: кур держал, свинью. Нажарит себе,

приготовит, из магазина принесет – хлеба там, масла, халвы. Сидит в беседке, газетку читает и все это жрет. От комаров только отмахивается. Врачи решили, что он больной – направили его на обследование. Ему рентген легких сделали – смотрят, в легких ничего нет. Ну, говорят, раз в легких у тебя ничего нет – все хорошо – возвращайся домой. Вот он вернулся домой и целый год жрал так, что соседи старались не смотреть. И тут его совсем разнесло, и врачи опять выслали его на обследование.

Болел он недолго, в основном, кстати, дома, но жрал до самого конца. Картошку себе жарил на сале, куриц резал, бульон варил – хорошую еду кушал. Оно не должно бы быть вреда от такой еды, если только не кушать ее очень и очень много.

Вот однажды стало ему совсем плохо. Печень отказала, человек весь распух, особенно ноги, кожа у него пожелтела, и называется такое дело – водянка. Забрала его скорая помощь, и уже понятно было, что он умирает.

Умер он в больнице в Багаевке, но, поскольку прописан был у нас на хуторе, решили его похоронить на нашем кладбище. С этого все и началось. Да... А звали его Фролов, Василий Иванович.

Похороны были скромные. Близкой родни никакой, а далекая родня, может, и была какая, но ее никто не знал. Общественные похороны, дескать, закончил свой жизненный путь советский человек – Фролов Василий Иванович, участ-

ник войны, ветеран труда, светлая ему память, и ну его на хрен. Венок от партийного комитета, венок от профкома и венок от дирекции совхоза. Все три довольно куцые. Больше никаких цветов на могиле не было. Пора была горячая – конец июня. А особой любви к нему соседи не испытывали. И как-то я не помню, чтобы кто-то по нему сильно плакал. Закопали, поставили тумбу из фанеры со звездой. Парторг сказал речь, ну не особенно длинную. Закончил свой жизненный путь советский человек, ветеран войны, ветеран труда. Надо бы еще попиздить хоть минуты три, но сказать же совершенно нечего. Да... уважением коллектива пользовался. Что было то было. Помолчали, вздохнули с облегчением и пошли по своим делам, а дел этих в совхозе, да еще в это время, невпроворот.

Хутор наш Усьман очень красивый. В него ведет дорога вдоль лесополосы, а в лесополосе растут жерделы, и как раз к июлю они поспевают. Они осыпаются с деревьев и лежат на земле. И если ты пешком возвращаешься на хутор с шоссейной дороги, можно зайти в лесополосу, насобирать спелых красных жердел, сладких, как мед, и есть их по дороге, но делать это надо осторожно, поскольку от большого количества жердел бывает понос... Когда лесополоса заканчивается, дорога поворачивает влево. И ты оказываешься на бугре. И внизу перед тобой справа ферма, а прямо – река и мост. И дальше дорога от моста, но оттуда уже до хутора недалеко.

Ферма довольно большая, она имеет форму круга, разби-

того на сектора. По периметру идет загородка и кормушки – ясли. Коровы как раз через загородку просовывают головы и едят из кормушек. А корм – зеленую массу из кукурузы – сбрасывают с прицепа вилами скотники, пока трактор тащит прицеп вдоль загородки. А в центре этого большого круга – другой круг, небольшой, и там стоят автодоилки, и доярки доят коров. А еще там стоит вагончик, в котором ночью спят скотники, дежурные по ферме. И рядом с вагончиком беседка. И под потолком этой беседки горит яркая лампа. Поскольку ферма стоит на бугре, лампу эту ночью видно даже с шоссейной дороги, идущей из Ростова-на-Дону на Багаевку, Семикаракоры и дальше на Волгодонск.

Когда идешь к мосту, ферма остается у тебя по правой руке. Возле моста сделали пляж, насыпали песок, вкопали грибочки. Днем на пляже резвится мелюзга, ночью, сидя на лавочках, под грибочками, мужики пьют брагу, вино или даже водку, в зависимости от того, что им принесла в этот день жизнь.

Случается, там жгут костер, и вокруг костра сидят студенты и преподаватели Ростовского университета, которых привезли сюда в помощь сельским труженикам. Они сидят вокруг костра, поют песни под гитару и тоже выпивают, но браги не пьют точно, водку редко, в основном портвейн или плодово-ягодное вино. Оно довольно крепкое, это вино, и от него тоже можно хорошо одуреть.

Иногда к студентам в гости приходят солдаты из кадриро-

ванной танковой дивизии. Стоит эта дивизия недалеко, километрах в пяти. И она называется кадрированной потому, что там танков и всякого добра как раз на целую дивизию, а служит там ровно столько человек, сколько нужно, чтоб поддерживать материальную часть в образцовом состоянии. А когда начнется война, дивизию укомплектуют личным составом на все готовое. И поэтому работа там, как на каторге, и студентки солдат, случается, жалеют. И если студентка или деревенская девушка солдата жалеет, он идет к ней пешком ночью, после целого дня работы, пять километров. И потом, когда она его уже пожалеет, он успевает назад к подъему, завтракает и идет на работу.

Когда возвращаешься поздно по дороге, тебе кажется, что ночь вокруг тебя как живая. Во-первых, земля отдает накопленный за день жар, и очень тепло, даже немного душно. Но все-таки это ночь, а не палящий полдень, и ночные ветерки и ночные холодки ты чувствуешь на коже, и тебе бывает очень жарко и чуть-чуть зябко одновременно, потому что это ночь, а не день. И деревья шумят листьями в темноте, и ты их видишь как большую темную массу, особенно, если луны нет. И как-то тебе становится интересно и тревожно, и все вокруг не такое, как днем: и воздух не такой, и деревья не такие, и река не такая. Кажется, что во всем этом есть что-то, чего ты не знаешь и не понимаешь. И это что-то вселяет в тебя смутную, какую-то странную тревогу. Как будто ты в этой ночи чужой. И те, кто ее населяет, терпят тебя, но... неохотно.

А когда ты днем идешь по дороге и светит солнце, ты ничего такого не чувствуешь, ты у себя, это твой мир. И все такое нормальное, не тревожное, ну... вы понимаете. Потому что день – это не ночь. Ночь – это существо, а день – просто время суток.

2. Первое появление

И наступил вечер. Скотники пригнали коров на вечернюю дойку, студенты и преподаватели Ростовского университета проследовали в столовую на ужин. На пляже кричали и плескались дети. Участковый чинил мотоцикл, но не починил. Секретарь парткома уехал в район по делам. Короче, жизнь шла своим ходом, и отсутствие в ней Фролова Василия Ивановича не проявлялось буквально никак. Про похороны все забыли. Ветер на кладбище шевелил лентами с траурными надписями: «Спи спокойно, дорогой товарищ!» И дорогой товарищ спал – спокойно он спал или беспокойно, никому до этого не было дела.

До самой темноты на пляже резвились дети, потом туда пришли студенты, разожгли костер и стали исполнять под гитару песни на языке страны капиталистического лагеря. Пили, как я уже говорил, плодово-ягодное, не помню точно, но вроде бы это был «Солнцедар». Парни обнимали девушек, девушки несмело обнимали парней...

В сгущавшихся сумерках к ним подошел какой-то незнакомый мужик. Он стоял и смотрел и выглядел немного неприкаянным. Ему предложили сесть поближе – он сел. Дали вина в стакане, он так и держал этот стакан перед собой, как будто не понимая, что с ним делать. Как потом рассказывали студенты, он даже не вел себя особо странно, а только

выглядел потерянно, что бывает часто с похмелья, особенно после того, как человек спал на закате. На закате спать нельзя: после такого сна болит голова и человек плохо соображает. Сумерки – это вообще интересное время суток. Дня уже нет, ночи еще нет, но сумерки – это все-таки начало ночи, а не конец дня.

Стакан у него забрали, он никак не отреагировал. Сидел тихо, исполнять и слушать песни на языке капиталистических держав не мешал. У него что-то спросили, он кивнул так, что было непонятно, понял ли он вопрос. Как потом вспоминали студенты, в общем разговоре он не участвовал. На вопрос, местный ли он, ответил кивком головы. Потом какая-то девушка спросила, нет ли какой-нибудь еды. Откуда-то появилась открытая консервная банка, по воспоминаниям очевидцев удалось установить, что это была тушенка. Он взял в руки банку и вилку и держал, как будто не знал, что с этим делать.

– Ешьте, – сказала студентка, – вы же говорили, что есть хотите.

Он кивнул, но есть не стал, потом молча поставил банку в сторонке.

Вечер окончательно превратился в ночь. Песни на иностранном языке мечтательно плыли над сонной рекой. Звенели комары. Никто из студентов не мог сказать, куда делся этот человек. Никто не видел, как он уходил, как никто не видел, как он пришел. Просто вдруг обратили внимание, что

его нет. Вина не пил, тушенку попросил, но не ел. Выглядел как человек, не понимающий, где он, что вокруг него происходит. Испуганный и подавленный. К девушкам не приставал, парней не задира. Все время молчал. Исчез, как растворился в темноте.

Тогда никто не придавал этому значения. Но потом вспомнили.

3. Второе появление вампира

Поздним вечером следующего дня на ферме, на пяточке возле вагончика, в беседке, сидели скотники и пили брагу. Брагу принес Серега и сказал, что дала ее жена агронома. Было душно. Коровы стояли поближе к кормушкам, а мужики отмахивались от комаров и разговаривали. Брагой они называли забродивший настой зерна или хлеба, сырье, из которого гонят самогон, но сырье само превращается в конечный продукт, без дальнейшей переработки, если самогон гнать некогда, потому что выпить надо прямо сейчас.

Поводом для позднего сидения и выпивки было скорое, то есть завтрашнее, расставание с Серегой. По оценке не понаслышке знакомых с Уголовным кодексом мужиков – года на полтора.

Серега сегодня с работы (а работал он на складе) пришел домой уже выпивши. Дома выпил еще бутылку вина и подрался с соседом. Драка возникла на принципиальной основе, как продолжение спора на тему, из чего делалась казацкая нагайка. Сереге кто-то сказал, что из бычьего члена, а сосед не хотел верить в такую подробность и утверждал, что из простых ремней. Сереге стало обидно. В запале драки он схватил трехлитровую банку, которая сушилась надетая на штакетник ввиду предстоящей засолки огурцов. Банка разбилась о голову соседа неудачно. Отлетевшее дно порезало

лысину аж до кости, и было много крови. Соседа увезли в район.

Мужики знали, как знал и Серега, что завтра с утра придет за Серегой участковый и уведет его туда, откуда возвращаются через полгода, через год, через пять лет, смотря по обстоятельствам.

– Участковый раньше десяти не придет, – говорили мужики, – к нему брат из Багаевки приехал. Он пока проснет-ся, пока протрезвеет, и мотоцикл у него испортился, не заводится. Ты, Серега, в вагончике поспишь, он, пока с хутора дойдет, как раз часов десять и будет. Мы в восемь скот выгоним, после дойки, доярки еще браги дадут, а может, и вина. Домой тебе не надо. Куда ты по темени пойдешь! Еще утонешь в реке!

Мысль, что Серега утонет в реке, развеселила их – они долго смеялись... Вдруг они увидели, что у входа в беседку стоит какой-то незнакомый мужик. Мало ли кто тут ходит, вон комбинат бытового обслуживания привезли на три дня или университетские... Но раньше этого мужика скотники точно не видели.

– Браги хочешь? – спросили мужики.

– Да нет, – отозвался он и сел на скамейку.

– Захочешь – скажи, – продолжали мужики, – браги много. Серегу завтра в ментовку забирают.

Он посмотрел как-то тревожно и ничего не ответил. Сидел тихо, смотрел прямо перед собой как-то странно, види-

мо, успел уже поддать. Интересно, что мужики не запомнили ни как он выглядел, ни как он был одет. Сидит и сидит. Нет, ну точно успел уже где-то врезать.

Мужики курили – он не курил. Мужики пили брагу – он не пил. Мужики обсуждали Серегину историю и строили планы, как он будет жить в колонии, он не принимал участия в разговоре.

Прошло, наверное, полчаса, а то и больше. Вдруг он спросил:

– А у вас покушать есть что?

– Лук есть, сало, – предложили мужики, – хлеб там, ну и молоко. Молоко в холодке стоит. Мы ж не жрать сюда пришли.

Он взял сало, долго на него глядел и положил на место. Молоком тоже не заинтересовался. Постепенно его присутствие стало как-то беспокоить мужиков.

– Слышь, ты че здесь сидишь? Браги не пьешь. Ты кто, с университета?

– Нет, – ответил мужик.

– А откуда?

– Да оттуда, – сказал он и неопределенно махнул рукой.

– С Самодуровки, что ли?

– Да, – сказал мужик.

– Что-то я тебя не припомню, – сказал Серега, – я самодуровских всех знаю. Приехал что ли к кому?

– Да, – согласился мужик.

– А к кому? – спросил Серега.

– Да так, – неохотно отозвался мужик.

– Слушай, Серега, отстань от человека, что ты пристал, ну сидит мужик и сидит – пусть сидит, – сказали скотники.

– Слушай, я в натуре всех самодуровских знаю, что он гонит. Слышь, мужик, ты вообще кто, тебя как зовут? – не унимался Серега.

– Васей зовут, – глухо отозвался незнакомец.

– А фамилия твоя как? – настойчиво спрашивал Серега.

– Слушай, отвяжись от человека! – пытались заступиться мужики.

– Мужик, а ты вообще кто? – не унимался Серега.

– Да я так... Нормально все, – пытался замять разговор пришелец.

– Так ты из университетских или нет? – настойчиво расспрашивал Серега.

– А покушать у вас нет чего? – ни с того ни с сего спросил незнакомый мужик.

– Да ты ж спрашивал уже. Вон лук – хочешь лука? – показали мужики.

– Нет, – отозвался мужик.

– Наверное, он из университетских, – отстали наконец-то от него мужики.

– Я слышал, они там курят всякую херню, а потом дуреют. Из конопли делают. И вот так сидит интеллигент и, кто он такой, сам не понимает. Мужик, ты вообще понимаешь, кто

ты или не понимаешь? – снова повернулся к мужику Серега.

– Не понимаю, – ответил тот.

– А зовут тебя как? Ты правда Василий? – продолжал Серега.

– Василий, – отозвался мужик.

– А может, нет? – ехидно спросил Серега.

– Может, нет, – ответил тихо мужик.

– Так ты из университета? – Серега настаивал на своем.

– Да... я – да... я оттуда. – И махнул куда-то за свое плечо, но там не было никакого университета за его плечом, только пустое ночное пространство.

– А фамилия твоя как? – продолжал допрос Серега.

– Да Фролов.

– Однофамилец, что ли, покойнику? – спросил другой скотник.

– Что ты к человеку пристал – мало их, Фроловых? Я только в Багаевке знаю четырех Фроловых, – сказал другой скотник.

– Тезку тут твоего вчера похоронили, – сообщил один из скотников.

Мужик вздрогнул и испуганно осмотрелся.

– Мужик, ты чего? – спросил в задницу пьяный Серега. – Кто ты вообще такой? Ты что ходишь ночью, как какое-то сраное привидение? Ты вообще живой, мужик?

– Да вроде нет, – тихо ответил мужик.

Скотники выпили много браги, а брага, хоть и слабая, дол-

бит не хуже портвейна. Но от слов мужика им все-таки сделалось как-то хреново. Они сидели тихо.

– А покушать у вас нет чего? – опять спросил мужик.

– Слушай, мужик, ну тебя на хрен! Вот тебе лук. Видишь – это лук. Хочешь – ешь, хочешь – не ешь. Хочешь – сиди, не хочешь – давай, вали отсюда, – разозлился Серега.

– Да ладно, Серега, не трожь человека. Ты не волнуйся, участковый раньше десяти не придет, – сочувствуя, успокаивали мужики Серегу.

– Чего «не волнуйся», он, по натуре, заебал! Сидит как в воду опущенный. Тут без него херово! – не унимался Серега.

– Да какая тебе разница, ну обкуренный из университета, они там все такие, – снова пытались погасить Серегу мужики.

В это время в пространство, освещенное лампой, из темноты, где стояли коровы, деловито копаясь клювом в следах коровьей лепешки, вошла курица (зоотехник держал кур в загородке за вагончиком). Директор знал и не возражал. Мужики не обратили на курицу никакого внимания, но пришедший смотрел на нее не отрывая глаз, и что-то действительно странное проступило у него на лице.

– Ты что, курицу не видел? Что ж ты такой обдолбанный? Сколько ты выкурил этой херни, сиди спокойно! – прикрикнул Серега.

И мужики засмеялись.

Вдруг пришедший приподнялся и как-то, сделав один

большой прыжок, оказался возле самой курицы. С невероятной ловкостью он схватил курицу, да так, что та не только убежать, а даже закудахтать не успела.

– Ну ты даешь, – только и успели сказать мужики. – Пusti курицу – это зоотехника курица.

Незнакомый мужик весь аж затрясся. Одним движением руки он оторвал курице голову, засунул ее горло себе в рот и стал глотать хлеставшую из нее кровь, и кадык у него заходил ходуном. Мужики вскочили.

– Слышь, ты охренел, что ли! – закричали скотники.

Он моментально высосал кровь, бросил мертвую курицу на землю и уставился на мужиков. Мужики потом признались, что, когда он на них смотрел, им было реально страшно. Но не Сереге – Сереге это представление с курицей ужасно понравилось.

– Бог не фраер, – орал Серега, – ну ты, мужик, отмочил! Пойдем, я тебе еще кур покажу! Они тут за вагончиком.

– Серега, кончай, это зоотехника куры! – пытались унять его мужики.

– Зоотехник – сука! – кричал Серега. – Он мне мешок отрубей не дал.

– Зоотехник – моей сестры муж! – сказал один мужик. – Верки. А за суку можно в репу получить! Из совхоза вы любите тянуть! Это твои, что ли, отруби? Вы бы так работали, как вы пиздите!

Короче, началась драка! Скотники разнимали, потом уло-

жили дравшихся в вагончике и легли сами. Куда делся странный мужик, назвавший себя Василием Фроловым и убивший курицу, никто, как потом выяснилось, не заметил.

4. Утро с участковым

Теперь, рассказывая о фроловском подъеме из могилы, я не могу не удивляться, какое несильное впечатление произвело это на мужиков. Конечно, они удивились, но нормально удивились. Не поразились там... Не пришли в ужас... Но они вообще сначала не поняли, что это Фролов, восставший реально из гроба. Тем более, он на Фролова был вообще не похож. Ну человек со странностями. В конце концов, люди бывают разные: одни сосут кровь из курицы, другие рисуют какашками на стене в общественной уборной, третьи еще как-то себя проявляют. Я вот знал одного пацана, он в Ростове жил. Так он обожал поджигать спичками пластмассовые кнопки в лифте. Ему нравилось, что вместо кнопки с номером этажа остается черная оплавленная загогулина.

Вообще, я считаю, у нас надо сконструировать такие вещи, чтоб они могли сдачи давать. Ты, например, поджигаешь кнопку в лифте, а из нее выскакивает такая длинная спица и выбивает тебе глаз. Или лавочка, например, в общественном парке. Ты ее хочешь перевернуть и досточки все переломать, а она выворачивается и лягает тебя по жопе. Чугунной ногой. В электричке хочешь ты сиденье порезать ножом. Просто от скуки, чтобы время до своей станции убить. А сиденье переворачивается и тебя головой об пол. Прямо мордой.

Сейчас, конечно, трудно такие вещи сконструировать. Но

я верю, что когда-нибудь научный прогресс дойдет и до этого.

Но это я отвлекся, это я к тому, что не всем быть одинаковыми. Бывают и такие, что у курицы кровь выпивают. А что? На фоне всего остального?

Так что скотники удивились, конечно, но так... не очень.

На утро скотники выгнали коров после того, как доярки их подоили. Серега сидел в беседке не сильно побитый, но видно было, что после драки, а если быть точным, то двух, и пытался пить молоко, которое дали доярки, но молоко не пилося.

Дежурный по ферме приставил вилы к загородке и показал рукой:

– Видишь, Серега, уже идет!

На дороге показалась точка, отсюда нельзя было еще разглядеть, что это участковый, но Серега и дежурный точно знали, что это он.

Участковый не спешил, он шел по дороге спокойно, вытирая пот со своего довольно упитанного лица. Он знал, что Серега сидит на ферме и ждет его, и спешить некуда, тем более что мотоцикл все равно не починился.

Как он и предполагал, Серега встретил его в беседке, причем довольно мирно. Оба прекрасно понимали ситуацию и зла друг на друга не держали. На то он и мужик, чтоб разбить голову соседу, на то она и милиция, чтоб его за это посадить.

– А что это за инцидент тут был? – спросил участковый.

– Ничего не было, – сказал Серега, – сидели культурно, пока не пришел какой-то хрен. Обдолбанный, какой-то из университетских, и загрыз зоотехника курицу.

– Как загрыз? – удивился участковый.

– Как загрыз! – шутливо разозлился Серега. – Зубами загрыз! Голову ей откусил и кровь всю выпил, как хореk.

– А вы точно брагу пили? – уточнил участковый.

– Не веришь, Степаныч? – спросил Серега. – Пойдем я тебе курицу покажу, мы ее на мусорник выкинули, не жрать же ее после этого. Зоотехник сказал: «Ну ее на хер, выкиньте ее на мусорку, уж больно случай какой-то странный».

– А я бы посмотрел на эту курицу, – сказал участковый, – мужик, говоришь, обдолбанный был? Из университетских?

– Он был не просто обдолбанный, он был весь как обосранный одуванчик, – определил состояние мужика Серега.

Беседуя так, они подошли к мусорнику, и участковому действительно была предъявлена курица, совершеннодохлая, без головы, шея явно носила следы терзания зубами.

– Ни хера себе! – сказал участковый. – А еще называются интеллигентные люди!

Участковый не любил университетских, почему – он и сам не знал, но не любил, и он очень обрадовался представившемуся случаю попреследовать одного из них в законном порядке за убийство чужой курицы и за употребление наркотических средств. Он предвкушал немалое удовлетворение

от этого расследования.

– Слышь, Серега, я тут посижу, отдохну, – сказал участковый. – Университетские с поля вернутся, зайдем к ним в общежитие, нам по дороге. Ты мне этого доцента найдешь и покажешь. Или это студент был?

– Да нет, студенты такие не бывают, – ответил Серега. – Это был в возрасте мужик. Подожди, фамилия его Фролов! Точно! Он сам говорил! А зовут, кстати, Василием. Я еще подумал, как этого нашего, что вчера похоронили.

– Ну раз имя и фамилия известны, это дело совсем простое, – сладко улыбнулся участковый, – но ты все равно со мной пойдешь. А то, может, у них там не один Фролов Василий. Может, у них там два Фролова Василия.

Фамилия Фролов встречается, конечно, часто, особенно в Багаевке, но вот что странно: участковый поговорил с командиром университетского отряда, и оказалось, что в университетском отряде мужчины по фамилии Фролов нет. Ни старого, ни молодого. Есть, правда, девушка, Аня Фролова, но тут Серега обиделся и сказал, что они, конечно, поддали, но не до такой степени, чтобы девушку не отличить от мужика.

– А что такое? – спросил командир.

– Было происшествие, – сказал участковый.

Командир попросил ребят разыскать Аню Фролову и привести. Ею оказалась девушка лет двадцати, довольно хорошенькая. Серега посмотрел на нее, засопел и сказал, что это

точно была не она.

– Значит, не из университетских, – подвел итог участковый и шумно вздохнул, скрывая разочарование.

5. Елизавета Петровна

То, что я знаю об ощущениях самого Василия Фролова после того, как он встал из гроба и заделался вампиром, известно мне от одной женщины, которую зовут Елизавета Петровна (кстати, моя родственница, троюродная сестра мамы, если ничего не напутал). Насколько я помню, так звали русскую императрицу, но на имени и отчестве сходство заканчивается. Во-первых, были разные фамилии. У той была фамилия Романова, а у этой фамилия Плетенецкая. Во-вторых, Елизавета-императрица, насколько я помню из школьной программы, была рыжеволосая и грациозная, а наша Елизавета Петровна была черноволосая и страшная, как война, причем не уродливая, а просто ее все боялись почему-то. Елизавета Петровна работала в школе учительницей начальных классов. На уроках у нее всегда стояла мертвая тишина, и многие ее ученики страдали ночным недержанием мочи.

Именно она, по ее же собственным словам, была выбрана нашим хуторским вампиром не для питья крови, а именно в качестве собеседницы, помощницы и даже советчицы. Я жил у нее, много ее расспрашивал, и она в конце концов рассказала мне то, чего не рассказывала никому.

– А что я буду им рассказывать, неприятности себе наживать! – рассуждала она вслух.

И потом я понял, что она была права.

Она рассказала мне, как на следующий день после похорон Фролова, когда она сидела во дворе и пила ситро из холодильника, в беседку вошел мужчина. И хотя он совершенно не был похож на себя при жизни: куда-то делось необъятное брюхо, и выглядел он как сорокалетний нормально сложенный мужик, — она его сразу же узнала.

У нее-то вообще был особый дар видеть и различать такие вещи. Из-за этого дара он и пришел к ней, понимая, что она — единственное существо на хуторе, в чем-то ему родственное, и только с ней он может говорить свободно.

Она не испугалась его и спокойно, прикладываясь к холодной бутылке с ситро, объяснила, что он умер и его похоронили, что он бродит ночью по деревне, как это случается и с другими, похороненными на хуторском кладбище. Но что от него несет какой-то хренью. И все так же спокойно, прихлебывая ситро, она его предупредила:

— Ох, мужик-мужик, не стать бы тебе упырем!

И он вроде бы ей рассказал, как он пил кровь курицы и мужики даже как-то несильно удивились, и спросил, живые ли были эти мужики. Она ответила:

— Живые, не сомневайся!

И тогда он стал ей объяснять, что ему все время хотелось есть и, только когда он напился крови той курицы, желание это на время стихло. Она ему сказала:

— Иди к себе и давай не увлекайся, а то тебя разнесет, как при жизни.

И он ушел.

Она допила сидро, закурила папиросу «Беломор» и подумала про себя: «Вот же носят его черти! А мне еще планы писать на первую четверть».

И пошла писать учебные планы.

6. Первое проявление вампиризма

В следующие три дня ничего примечательного на хуторе не произошло.

Я потом и в магазине расспрашивал людей, и доярок, и ребят из гаража. И вроде бы во все эти дни, сразу после драки на ферме, ничего особенно странного не произошло, во всяком случае, никто не мог ничего припомнить.

Все шло своим чередом. Привозили солдат из дивизии на прополку огурцов. Огурцы предназначались на переработку на Багаевском консервном заводе. Занято ими было не помню точно сколько гектаров, но, как всегда, много, и овощеводы, даже и с приданными им университетскими, не справлялись. Пришлось вызывать солдат. Заместитель командира дивизии всегда охотно помогал, но и дивизия в накладе не оставалась.

Все было тихо, спокойно. Даже куриц никто не трогал, правда, пропала собака у пастуха, но собака эта была кобель, и пропасть она могла по естественным причинам.

По-настоящему пошли слухи после того, как на четвертый день после того случая с курицей Петрова молодайка обратилась к фельдшеру с жалобой на плохое самочувствие, слабость и тошноту. Фельдшер стал ее спрашивать, что она ела в последнее время и как выглядел ее, выражаясь по-научному, стул, и, поскольку молодайка была из себя ничего, выра-

зил желание ее осмотреть. Тогда-то он и увидел в первый раз на шее, ближе к ключице, две ранки на коже.

– Что это у тебя такое? – спросил он. – Это муж тебя так?

– Скажете тоже, – удивилась Нинка.

– А откуда ж у тебя эти ранки?

– Да я не знаю. Думала, может, гусеница какая. Я вчера в саду работала, вишню мы убিরали, – сказала Нинка.

– Гу-се-ни-ца, – передразнил фельдшер и помрачнел. – По правде, я вообще не понимаю, что это такое, я такого раньше не видел. Расположены симметрично, как зубы, это тебя собака могла так укусить, причем довольно большая. А может, тебя собака укусила, а ты не помнишь?

– Ну что вы, Иван Игнатьевич, такое говорите, – возразила Нинка, – если б меня собака укусила, да еще и за шею, я бы наверняка запомнила.

– Ты вот что, – сказал фельдшер, – если это не твой мужик тебе это сделал, ты своему лучше не показывай, выглядит это, Нина, подозрительно.

Фельдшер бросил на нее многозначительный, тяжелый взгляд.

– Да что вы такое говорите, Иван Игнатьевич! – отмахнулась Нинка. – Вчера, как с работы пришла, мы с Сергеем на мотоцикле на речку ездили, потом поужинали, я птицам насыпала, свиньям, корове – и мы спать легли. Я и не ходила больше никуда, а вчера утром у меня этого точно не было, я бы такое заметила на шее. Вы посмотрите, что это у меня,

может, от печени?

– От печени, – ухмыльнулся фельдшер, рассматривая градусник, который он вытащил только что у нее из подмышки. – Недодержали, – сказал он и сунул градусник обратно.

– Да как недодержали, – возразила молодайка Петрова, – вон у вас часы на стене. Четырнадцать минут держали!

– Говорю, недодержали, значит, недодержали! Ты хочешь сказать, у тебя температура 29,7? С такой температурой люди не живут! – настаивал фельдшер.

– Может, градусник неисправный? – неуверенным голосом предположила Нина.

– Ну-ка давай я тебе давление померяю, – схватился за тонометр фельдшер.

Давление оказалось 49 на 32. Фельдшер измерил на другой руке – примерно то же самое. Потом вытащил градусник, который уж точно додержали, а то и передержали. Градусник показывал температуру 29,7. Тут фельдшер всмотрелся в ее лицо и перепугался так, как не пугался вообще никогда. Ее лицо менялось, оно стало бледным, покрылось мертвенной, болезненной бледностью. Губы тоже стали бледными, синеватого оттенка. Кожа под глазами потемнела, на лбу выступили капельки пота. Ранки на шее не кровоточили, но и не подсохли, как это обычно бывает, а блестели влажным содержанием. Что с ней происходило, он не понимал. Но видно было, что состояние ее ухудшается прямо на глазах. Давление и температура – невозможные у живого человека.

– Что-то ты мне, Нина, не нравишься, – успел сказать фельдшер, – я тебе сейчас укол сделаю и бегу в Багаевку звонить!

Про Багаевку Нина уже не слышала, она потеряла сознание.

Нинку Петрову забрала скорая помощь на сигнале. По хорошему, и фельдшера надо было забрать вместе с ней, потому что состояние его можно было назвать по-научному предынфарктным. Но места в скорой помощи для фельдшера не оказалось, потому что там был свой фельдшер.

Нинку погрузили в бессознательном состоянии на машину, подключили к ней капельницу и повезли. И то ли капельница подействовала, то ли скорую хорошо протрясло на ухабах, то ли молодость взяла свое, но Нинка пришла в себя еще до того, как ее доставили в районную больницу. Измерили ей давление, и оно оказалось 120 на 80. Пульс 60 ударов в минуту. Температура тела 36,6. На щеках нежный девичий румянец. Хоть вези немедленно обратно. Перед такой загадкой научного характера врачи были в недоумении, но разгадку ее искали не в сложных физиологических процессах, происходивших в молодом женском теле, а больше грешили на фельдшера, который не испытывал ненависти к спиртным напиткам. И хотя погрузили ее в скорую помощь в бессознательном состоянии, но мало ли от чего в нежном женском организме происходит обморок. И температура 29,7 градуса, и давление 46 на 32 были восприняты как игра фельдшер-

ского воображения.

Между тем и фельдшер пришел в себя. Не очень он понимал, чего он так сильно перепугался: ну, упала женщина в обморок, он не такое видел в жизни. Ну, ранки две на шее, может, она на вилы в темноте наткнулась или об какие-то ветки поцарапалась, или это правда какая-то аллергия от гусеницы.

Но к вечеру страх вернулся. Он все-таки был опытным фельдшером и понимал, что вилы ее не царапали и на ветки она не натыкалась, и две маленькие влажные ранки стояли перед глазами, и веяло от них какой-то жутью. И человек на его глазах умирал. И умирал он от этих ранок. Это предположение быстро превратилось в уверенность, которая основывалась не на аргументах, а на каких-то древних инстинктах. Фельдшер был простым деревенским мужиком. Вырос и воспитался на земле. И все его древние инстинкты были, так сказать, при нем.

В первых сумерках, когда молодайка Петрова засыпала в кровати, оставленная на всякий случай под наблюдением в багаевской районной больнице, фельдшер сидел в беседочке у комбайнера Трифонова, закусывал водку нежнейшим салом, в бутылке оставалось немного, но ждала вторая. Тогда-то в беседе с комбайнером, рассказывая ему все это, фельдшер признался, и прежде всего – самому себе, что он увидел и что это было. Тогда же и прозвучало в первый раз слово «вампир». Слово городское – не деревенское. Но

фельдшер был все-таки почти интеллигент. А поскольку он учился в ростовском медучилище, то можно про него вообще сказать, что он интеллигент без «почти», поэтому и выразился он по-научному, дескать, вампир. Комбайнер не возражал – вампир, так вампир. Главное, чтобы друг Ванюша несильно расстраивался. Комбайнер, если по-честному, не верил в вампира. А вот Иван Игнатьевич, наверное, верил, по крайней мере, когда он оглядывался на сгущающиеся ночные тени, видно было, что тени эти его пугают. И хотя комбайнер все-таки не верил в вампира, все это ему очень не нравилось.

7. Снова Елизавета Петровна

Во второй раз Фролов пришел к Елизавете Петровне сразу после того, как он побывал у Нинки Петровой, после чего и появились ранки, так испугавшие фельдшера. Елизавета Петровна как раз сидела поздним вечером и писала эти чертоты учебные планы, страшно злясь на директрису школы из-за дурости: «Ну скажи, пожалуйста: программа каждый год та же самая, дети, ну, если не те же самые, то по крайней мере очень похожие, такие же маленькие говнюки женского и мужского пола. Ну на хера писать новую программу? Что в ней может быть нового? И какого эта сучка ко мне прицепилась? Все равно каждый год я им даю то же самое. У меня стаж 33 года! Что у меня может измениться?»

Она сидела в беседке, курила «Беломор», пыталась что-то выдумать, но не особенно напрягалась, а больше ругала директрису.

Неожиданно она обнаружила, что Фролов сидит напротив нее и от него исходит ощущение спокойствия, удовольствия и даже какого-то опьянения. На себя – при жизни – он был совсем не похож: ни следа жирного живота, обвислых щек. Мужчина лет сорока, здоровый, сильный, даже не лишенный привлекательности, серые глаза глядят прямо перед собой, в них спокойная уверенность, страха нет совсем. Никаких клыков, никаких красных глаз, никакого подвывания,

причмокивания. Кого пугать, перед кем притворяться? Нормальный мужик, только мертвый. Но – нормальный и все-таки ненормальный. Собака забила в конуру и там сидит. Не то что не скулит, вообще еле дышит. Комары не звенят. Даже комары с их комариным мозгом понимают, что кровь тут сосать не у кого и лучше пока сюда не прилетать. Ветра нет, даже легкий ветерок не подует. А просачивается в жаркий июльский воздух реальный холод, который чувствует кожа. Впрочем, Елизавете Петровне этот холод не мешал, она, как тучная женщина, не любила жару, хотя и привыкла переносить ее.

– Ты чего, опять? – недовольным голосом спросила она.

– Как мне было херово... – сказал он. – А сейчас хорошо, совсем хорошо!

Она внимательно смотрела на него и молчала. Потом сказала:

– Ты, я смотрю, на баб перекинулся? Кур тебе мало?

– Ой хорошо! – сказал он. – А было так, что думал сейчас сдохну.

– Куда ты сдохнешь? Ты уже того – уже шестой день, как похоронили, – напомнила Елизавета Петровна.

– Как-то это непонятно, – сказал он. – Раз меня похоронили, что ж я голодный такой хожу, я же чувствую все.

– Ой, мужик-мужик! – сказала она. – Ходил бы ты там со своими, оно бы поболело у тебя, поболело, да и прошло. Как ты к нам сюда попадаешь? Тебе тут не место!

– Я, понимаешь, – рассказывал Фролов, – иду по деревне, а откуда я иду, куда я иду, это вроде как неважно. Это вроде как само собой разумеется. А когда голод стихает, я начинаю понимать, что я не знаю, откуда я прихожу. Я домой прихожу к себе и чувствую, что-то не то. Это же вроде бы мой дом, моя комната, мой двор, моя беседка. А я смотрю на это, и такое чувство, что здесь был кто-то другой, и я – это не он. Но я-то ума не лишился, я знаю, что я – это он. Что это за херня такая, Петровна? Вот когда они говорят, я их слышу, что они говорят, я понимаю. Они иногда тоже меня слышат. И даже видят. Иногда нет. Но это ж наши мужики и бабы совхозные. А когда на меня накатывает, они для меня как мешки с едой. И что-то тут не так. Они же – не еда, еда – это сало, колбаса. А меня вот на колбасу совсем не тянет, а я любил колбасу. Я вот сейчас напился – и мне хорошо-хорошо. Но какая-то иголочка сидит. Чувствую я, что что-то не так.

– А ты можешь сюда не приходить? – спросила Елизавета Петровна.

– Да вот я сейчас понимаю, я ж не знаю, как я прихожу. Если я дома у себя не живу, где я живу, ты мне скажи, Петровна? – спросил Фролов.

– Да я скажу, а толку! – ответила Елизавета Петровна. – Там, откуда ты приходишь, там тебе самое место, ты оттуда приходить не должен – тебе же хуже будет! А раз ты приходишь, значит, тут у нас что-то не так. Что-то у нас тут начинается. Может, опять война будет. Может, наводнение будет.

Цимлянское море на нас выльется. Попы говорят, гнев Божий.

– Я про это ничего не знаю, – признался Фролов. – Я прихожу и прихожу. Я даже не знаю, где я потом – сплю я, не сплю я, может, я залезу на какое дерево и там сплю, – я не знаю, Петровна. Может, там, где мне надо быть, мне и ходу туда нет.

– А когда ты у Нинки был, она хоть проснулась? – спросила Петровна.

– Нет, не проснулась, она спала, ей хороший сон снился, – сказал Фролов.

– Охренеть, ну ты даешь! – всплеснула руками Елизавета Петровна.

– Что-то мне опять плохо! Опять меня берет, – почти шепотом сказал Фролов.

– Знаешь что, иди-ка ты к себе – хватит на сегодня.

8. Первый смертельный случай

Весть о появлении на хуторе вампира (а слово это с легкой руки фельдшера так и осталось в употреблении) разошлась по деревне очень быстро. Вспомнили курицу, выпитую на ферме, вспомнили собаку пастуха, которую тоже нашли дохлой и как-то тоже слегка растерзанной. Добавили сюда несколько случаев, произошедших за последние дни... рабочий бригады овощеводов, будучи в состоянии алкогольного опьянения, наступил на гвоздь, торчащий из доски, и пробил себе ступню, другой работник, но уже по механической части, из гаража, резко наклонившись, ударился глазом о лежащую на табурете коробку передач, но глаз сохранил, а зато разбил кожу на скуле и приобрел фингал, видимый издалека. Все это было немедленно отнесено на счет действия нечистой силы и вампира.

Вампира много обсуждали, но как-то по инерции несильно боялись. Молодайка Петрова своим цветущим видом демонстрировала, как мало вреда нанесло ей нападение вампира. Над этим много шутили, посмеивались, а один мужик, шофер с базы, рассказывал, как он встретил этого вампира по пьянке и долго бежал за ним, размахивая обрезком трубы около 70 см, 37 мм сечения.

– Ушел, гад, – смеялся мужик.

Елизавета Петровна рассказывала мне потом, что Фролов

быстро освоился со своей ролью и любил поиграть с мужиками, убегая от них и неожиданно перед ними показываясь.

Был у нас такой механизатор, Витек Еремеев. Самым ярким событием в его жизни была армейская служба в артиллерии. Витек любил шутки, поэтому проезжающие по дороге грузовики он представлял как цель. Он подробно описывал мужикам, как он наводит орудие, как происходит выстрел и чем накрывается грузовик. И вот Витек неожиданно посе-
резнел.

– Я, – говорит, – мужики, такого никогда не видел. Он, сука, как щит на полигоне. Поднимается из лежачего положения – во весь рост, как будто он из фанеры. Я ночью от Ануфриевых шел, смотрю он, сука, поднимается как мишень. Лежит на спине и как лежал, так ровненьким солдатиком поднимается и на ноги становится. Потом падает, как столб, во весь рост, на спину, и опять как мишень – раз, и стоит. Смотрю я на это дело, и так мне херово стало. Страшно, тоскливо и херово. Пошел я домой спать, и приснилась мне такая херня, что я вообще спать потом не мог. Снится мне, мужики, что иду я ночью по нужде. И на кухню зашел, воды попить. Смотрю, а там на полу таракан. Большой такой, размером с хорошую мышь. Я думаю, ага... развелись, надо его чем-нибудь прибить. А я босиком иду, босой ногой неприятно же давить. А тут метла стоит. Он побежал, да так быстро. Я его метлой сверху со всей силы. В лепешку. Собрал я его этой же метлой на совок и иду выкидывать на улицу. И вроде ничего

такого, а противно мне, и кошки на душе скребутся.

Мужики стали думать, от чего такой сон. И решили, что это виновата Ануфриха. Самогонку правильно надо очищать буряками, а не морковкой, как это делает Ануфриха. Поэтому, наверное, плохой сон приснился. Стали мужики успокаивать Витька, но Витек завелся и долго матерился...

Да, Витек тогда долго матерился. И оказался, к сожалению, совершенно прав, потому что в это утро молодайку Петрову нашли мертвую в кровати, причем рядом лежал ее муж и ничего вообще не слышал. Он только не понял, почему она не встает, и, сходяв по малой нужде, пришел ее поднимать, потому что было уже пора. И тут он увидел, что она не дышит и ранки у нее на шее большие и влажные, он тогда в панике побежал к фельдшеру. Фельдшер констатировал смерть. Будучи человеком партийным, фельдшер так, на всякий случай, в графе предполагаемая причина смерти написал «острая сердечная недостаточность». Но на этот раз население хутора было как-то подготовлено к тому, что это может быть что-то сверхъестественное типа вампира, поэтому мужики решили, что фельдшеру надо дать пизды, как-то все это пошло от него. Нинку Петрову все любили, ее смерть будила сильные эмоции, которые требовали выхода, а фельдшер оказался крайний.

Несколько деятельных и активных мужиков вошли на фельдшерское подворье и решительным шагом направились к беседке.

Фельдшер сидел в беседке и плакал. Причем плакал он как-то по-детски, повизгивая, и было это настолько непривычно, что решимость мужиков как ветром сдуло. Они стояли перед входом в беседку, смотрели на фельдшера и понимали, что он их даже не видит и плачет совершенно не из-за того, что они пришли. Они никогда раньше не видели, чтобы пожилой мужик, к тому же член партии, плакал от страха.

Тело молодой Петровой увезли на экспертизу в райцентр, муж поехал с ней. Все как-то разошлись по полевым работам, но напряжение чувствовалось, висело в воздухе. Кто был в деревне, тот понимает: если что-то случается, это в воздухе висит, и все это чувствуют.

9. Местная власть реагирует

Как я потом узнал от Надежды Ивановны, секретарши, от которой у парторга не могло быть никаких секретов, в конторе, в кабинете у директора совхоза, состоялся такой разговор. Директор совхоза сидел на стуле за своим знаменитым письменным столом с двумя телефонами и слушал парторга, который сидел напротив и говорил сиплым злым голосом:

– Я им, Петр Николаевич, такого вампира покажу! Я не то что премии буду лишать, я... – Тут он запнулся, не зная, чего еще он будет лишать, пытаюсь придумать что-то пострашнее. – Выдумали новости какие-то – вампир! Это в двадцатом-то веке, при советской-то власти!.. А если не поймут, будем объяснять!

Он хлопнул по столу ладонью, как будто прихлопнул кого-то.

Тут парторг наклонил голову ниже к столу и засипел еле слышно:

– Уполномоченный Комитета госбезопасности из района приедет, он им, сукам, объяснит. Он им живо объяснит! Слава богу, в Советском Союзе живем! Здесь не Копенгаген. Наши советские органы не с таким справлялись! Вампир! Вампира бояться не надо, а вот советских органов бояться надо, ой надо, советские органы, если что, по головке не погладят...

– Сам-то ты что думаешь? – спросил директор.

– Та что ж я могу думать, Петр Николаевич, – принужденно засмеялся парторг. – Не могу же я верить в вампиров, я партийный человек.

– А если он тебя того? – спросил директор.

– Я, Петр Николаевич, надо будет сдохнуть – сдохну, а от своего не отступлюсь, я – коммунист, – заверил парторг.

– Ты как считаешь, Егор, может, нам детей вывезти пока? – предложил директор совхоза.

– Вы что, правда, верите? – удивился парторг.

– Верю я или не верю – дело десятое, – сказал директор. – Я не на исповеди. Я хозяйственник, мое дело маленькое. Раз что-то есть – значит надо реагировать. Может, это – выдумки? Может, кто-то слухи пускает зловредные? Тем более университет у нас тут. Может, мужикам что-то привиделось по пьяни? Может, Нинка Петрова от скарлатины умерла – откуда я знаю? А вдруг нет? Я 38 лет в партии. Я войну прошел, а все равно вот это «вдруг»... мне оно покоя не дает. Вот если мы ничего не сделаем, а завтра опять кого-то найдут, а вдруг ребенка?

Парторг наклонился ближе к директору и, глядя ему в глаза с прищуром, сказал:

– А вот за это уже нас, Петр Николаевич, по головке не поглядят! И почетной грамоты не присвоят, ой не присвоят, и памятным значком не наградят. От нас другого ждут...

– Да знаю я, чего от нас ждут, Егор! Нам-то что делать?

Парторг долго смотрел в окно злым взглядом, только что зубами не скрежетал, потом тихо сказал:

– Я прощупаю почву, Петр Николаевич, ты прав, дело это непростое. Я прощупаю почву, но завтра с утра. Петр Николаевич, а может, нам того... попу позвать?

– Иди ты, – невесело отмахнулся директор, – попу, скажешь тоже... А еще партийным человеком себя называет... – Директор на минуту задумался. – А я откуда знаю? Может, нужно попу.

10. Поп, второй случай

Вот такая история, появился на советском хуторе вампир. Хотите верьте, хотите нет. Не какие-то там неясные слухи, не бабье вранье, не пьяные мужицкие видения, а самый настоящий, чин-чинарем: ходит по ночам, пьет кровь. Кто он такой – этот вампир, откуда взялся? Стали мужики думать. Когда он начал ходить? Да после того, как Фролова похоронили – вот Фролов и ходит, больше некому. Да он сам сказал тогда на ферме. До него четыре месяца никого не хоронили. А последней перед ним была старушка Бондаревых. Так это ж какая старушка была? Она ж от советской власти иконы прятала и Богу молилась. Не может она ходить по ночам, к тому же она женского полу. И до фроловских похорон точно ничего такого в деревне не было. Драка по пьянке, болезнь какая или травма – это пожалуйста, но чтоб кровь сосать – это извините, товарищи, даже не думал такого никто. Значит, Фролов. Он, кстати, и при жизни был какой-то не того...

Пошли мужики на кладбище, разрыли могилу. А оттуда такой вонюю понесло, что быстро все обратно закопали. Но труп там точно был трупом – ничего живого там не было, и ходить по ночам он не мог. Поставили все, как было, и ушли. А тут еще участковый приехал на мотоцикле, который он все-таки починил. И сказал, что могилы без разрешения раскапывать нельзя и что, если кого на кладбище уви-

дит, пусть пеняет на себя.

Следующая ночь прошла спокойно, и страх как-то слегка отодвинулся. Днем приехал поп. Он приехал из Багаевки, где был храм. Ходил на кладбище, кропил святой водой. Ходил от дома к дому и кропил – кропил – кропил, бормоча себе что-то под нос. Молился, наверное. Был с ним какой-то пожилой мужик из Багаевки, с бородой. Мужик сам в рясе не был, но попу помогал. Вот так они и ходили, ни партийная власть, ни советская, ни исполнительная власть в лице участкового им не мешали.

Потом пришла ночь. И к утру оказалось, что в семье у Сердюковых у молодой девки-старшеклассницы нашли следы зубов – две влажные дырки на шее – и нашли ее полуживую. Особенное впечатление на людей, населяющих хутор Усьман, произвело то, что случилось это в ночь сразу после визита попа.

На хуторе Усьман жили советские люди, в Бога они не верили. Но на визит попа возлагали большие надежды. Надежды эти не оправдались. Тогда людей действительно охватил ужас.

11. Вмешательство партийных органов

На работу никто не вышел. Люди сидели в своих домах и старались не выходить на улицу – окна и двери были заперты, несмотря на жару. К скотине выходили осторожно: по трое, по двое, с вилами в руках. В магазин не пошли, доедали то, что дома есть. Сидели по домам. Родители прижимали к себе детей. Дети прижимали к себе кошек и собак.

Партийная организация совхоза пришла к выводу, что ситуация сложилась недопустимая и дальше так продолжаться не может. Партийная организация созвала односельчан на собрание в актовый зал в конторе.

– Товарищи односельчане, – начал секретарь парторганизации.

– Хрен тебе товарищ, – закричали мужики.

Разговора не получилось, все кричали одновременно. Парторг явно терял контроль над ситуацией.

– Это что ж такое, дорогие товарищи, – кричал комбайнер, – вампир ходит по деревне! Есть у нас партийная организация или нет? Куда смотрят партийные органы, куда смотрят советские органы? Где наш участковый? Что, наша страна с вампиром справиться не сможет? Наша армия, наши, к примеру, ракетные войска? Да взорвать его могилу к

такой-то матери. Тротилом. Тротил у танкистов попросить. И подрывника. Они шефы, они помогут. Где у нас биологический факультет Ростовского университета?! Портвейн пьет?! С бабами гуляет?! Они ученые, вот пусть и помогут, и покажут свою ученость! Портвейн пить каждый может, много ума не надо! Короче, детей хотя бы вывезите! Автобус дайте!

Но парторг, как обычно, не понял народ. И стал орать в ответ так, что жилы вздулись на лбу. Что под бабушкины сказки транспорт выделять не будет. Что на войне за паникерство расстреливали. И правильно делали.

— А зачем нас позвали? — кричали мужики. — Мозги вправлять?

Так парторг потерял контроль над массой коммунистов и беспартийных. Сколько он себя помнил, орал он, а мужики слушали. Пугал он, а мужики пугались. А тут оказалось, что есть что-то, чего мужики боятся больше, чем его. Вампир оказался страшней, чем партийный работник. И чувствовал парторг, что именно этого, вот именно этого ему наверху не простят. Он ведь и сам понимал: шутки шутками, но есть уже одна жертва, и, считай, есть вторая. Пусть Маркс и Энгельс отрицают существование вампиров, но Маркс и Энгельс где?! Где они?! Одним словом, неважно. А следы зубов вот они, их многие видели. У двух жертв на шее. И если практика действительно критерий истины, как учит нас диалектический материализм, то получается, что практика в

этом случае не на нашей стороне. Но в том-то и состоит диалектика, чтобы орать про бабушкины сказки и требовать за вампира привлекать к ответственности паникеров, а самому смотреть, какие тут можно принять меры.

И звонил с утра парторг в райком партии, и хотел он поговорить и просить разрешения вывезти детей и из женщин, кого можно. Но на него наорали так же, как он сейчас кричал на мужиков. Так наорали, что ему тоже захотелось выйти из-под контроля. Но он не вышел, так как имел более высокое чувство ответственности. Ему сказали:

– Ты кто вообще, секретарь парторганизации совхоза или ты хрен собачий? Ты что там у себя вампиров каких-то развел? Что это за вампиры какие-то у тебя в совхозе?! Что, из могил по ночам выходят, да? Кровь из народа высасывают? Ах ты, мать твою так, а ты про идеологическую работу среди населения слышал когда-нибудь? Или про идеологическую работу ты впервые слышишь? Про агитаторов-пропагандистов ты слышал когда-нибудь, парторг? Где твоя работа? Руки в брюки, хуй в карман? А теперь звонишь тут, панику разводишь! Ты за это ответишь! Ты партбилет на стол положишь. Какую такую ты эвакуацию там задумал? Кого вывозить? Тебя самого партия так вывезет, что ты не только про вампиров забудешь, ты как выглядит женский орган забудешь. Парторг хренов! Давай исправляй ситуацию. Через два часа доложишь.

И вот два часа прошло, собрание закончилось, доклады-

вать абсолютно нечего. Тут диалектика простая: или народ боится партии и тогда он не боится вампиров, или народ боится вампиров. Но тогда он не боится партии. Как такое доложить в райком? Такое доложить в райком нельзя.

А райком, пока суть да дело, тоже связался с обкомом партии и в конце разговора как бы вроде анекдота рассказал про хутор Усьман. Что, мол, вправили мозги на этот раз, но какие кадры у нас пока еще попадаютсся неразвитые. Что с ними прикажешь делать, снимать их будем, гнать их будем без всякой жалости!

И вот часа так через два после обеда вдруг телефон, но уже в райком из областного комитета партии. Видно, они свои каналы информации имели, а не только на райком полагались. Ну и ответственность они на себя могли взять, конечно, совсем другую. Позвонили и сказали:

– По поводу этого хутора. Да, Усьман. Два часа на эвакуацию детей. Да мне насрать, вампир это или не вампир! Может, это у них там Дед Мороз. Потом будем выяснять. Ты мне детей срочно вывези, иначе ты не только партбилет на стол положишь, ты свой хуй на стол положишь. Ты меня хорошо слышишь, секретарь райкома? Я за свои слова отвечаю.

Вот и слушал в телефонной трубке совершенно ошарашенный парторг совхоза Усьман, как из райкома, но уже без крика, а совершенно другим тоном деловито объясняли:

– Кущевский район, село Покровка, пионерский лагерь «Ветерок». Там уже для вас помещение готовят. Прямо сей-

час выезжать, как только сможете. Если вашего автобуса мало, скажите, выделим срочно. К вечеру как раз доедут. К ужину. И как только выедут, сразу мне доложишь. Ты понял? Доложишь сразу.

Голос из райкома уже не кричал, говорил сухо, серьезно, слегка похрюкивая, видимо, для убедительности.

12. Опять Елизавета Петровна

Вечером того дня, когда вывезли детей, вампир Фролов пришел к Елизавете Петровне и сказал:

– А я знаю, где я сплю.

– Ну и где же ты спишь? – спросила Елизавета Петровна.

– Я сплю под крышей в силосной башне, – ответил Фролов. – Там есть такой закуточек, между подъемником и крышей, и там хорошо. Туда можно с крыши залезть через окно.

Елизавета Петровна рассказывала мне, что только тогда заметила, как он изменился. Выражение тоски и страха исчезло полностью из его глаз, никакой растерянности, никакой потерянности, было такое впечатление, что он все лучше и лучше осознавал свою ситуацию и был всем этим очень доволен.

– Когда я по улице иду, мне так хорошо, – рассказывал Фролов. – Все я вижу, все я чувствую. Иногда пройдет кто-то мимо меня, окликнет – я что-то отвечу, примут меня за кого-то – я не возражаю. И чувствую я, какой от людей дух идет. Степной, свежий дух идет. Или, наоборот, домашний, уютный. Иногда к тому меня тянет, иногда к другому. Я так научился, чтоб следов не оставлять. Чтоб их не пугать. Так лучше, а то они за мной гоняться начнут. Я раньше был какой-то как без тела и ничего не боялся. А теперь тело у меня есть какое-то вроде. И больно мне бывает. И меня побить,

наверное, можно. Осторожнее мне надо быть. Но иногда такой голод нападает – хватает, как рукой изнутри. И тогда я не соображаю ничего. И мне тогда лучше за деревней быть, потому что если я такой к человеку приду, то я на нем точно след оставляю.

– А тебе обязательно по людям ходить? – спросила Елизавета Петровна. – Есть же коровы, свиньи, лошади...

– Это дело вкуса, – продолжал Фролов. – Человек – это совсем другое. Свинья что? Она – животное. У нее жратва на уме, больше ничего. Она жрет, что ей дадут, а может и поросят своих сожрать. А человек – это совсем другое. Он свои мысли переживает. Смотришь на него, а он спит и во сне видит поезд. Едет этот поезд по степям, и за окном – поля: сурепка, клевер, кукуруза, кормовые культуры, и все они цветут. И открывает человек окно, а там ветер. Ветер такой крепкий, но теплый, с духом цветов, земли, и платок он с головы срывает, и волосы треплет, прическу портит, и груди он обдувает так, что соски твердеют. А в купе сидит молодой офицер. И так на человека смотрит, так смотрит, как будто под юбкой все видит. И улыбается. Взять бы его и прижать к грудям сильно-сильно... Прямо задушить его... А станция-то не скоро, ох, не скоро. Я все понимаю, что человеку снится. И кровь у него знаешь какая? Этого словами не расскажешь. У нее не только вкус есть, у нее звук свой есть. Она прямо звучит в ушах у тебя. Это рассказать нельзя, Петровна. Или снится человеку, что сосед со скотниками сговорился и под-

жидает его у клуба. И он подходит к клубу и прямо на них идет. Соседа кулаком по шее, скотника Витюху в морду, что, взяли?! Сзади на тебя кинулись, а ты пригнулся и с разворота под дых. Или, например, снится человеку, что он распаковывает телевизор. Жена ходит серьезная, под серьезностью скрывает свой восторг. Шутка ли – цветной, самый большой, самый лучший. Напротив дивана его, на тумбочку, поставили, а как антенну настроить, ни черта не понятно, и страшно, и весело. Вот сейчас показывать начнет. А парторгу снится, как его хвалит генеральный секретарь. И парторг весь прямо улыбается во сне. Когда я прихожу, они спят, они как дети все. Я их не бужу, они от этого только крепче спят. Они лежат передо мной, ничего сделать не могут, как будто мне их отдали. А я... у меня силы столько, я одним движением убить могу. Но слежу за собой, мне эта паника ни к чему. Я – осторожно-осторожно, неслышно совсем. А сам аж весь дрожу, аж в ушах у меня звенит. Только потом, когда голод успокаивается, что-то меня грызет. Предчувствия какие-то. Что-то на страх похожее и на тоску. И к могиле тянет: полежать, отдохнуть. Но это не сильно грызет, скоро проходит.

– Что с тобой делать, не знаю, – вздохнула Елизавета Петровна. – В плохую историю ты попал. Чем тебе сейчас лучше, тем тебе потом хуже будет.

А когда он уже уходил, Елизавета Петровна обратила внимание, что он намного больше походил на живого человека, чем это было, когда он приходил в первые дни.

13. Затишье

Прошло три дня после эвакуации детей – и как-то ранок на шее ни у кого не видели. И вроде симптомов таких, чтоб человек прямо падал, тоже не было. Но иногда кто-то плохо себя чувствовал утром. Так это и без вампира бывает.

Нинку похоронили. Официальным диагнозом так и осталась сердечная недостаточность. Дел было по горло, и вампир не то чтобы стал забываться, но ощущение от его присутствия становилось каким-то неострым. Вот тогда-то парторг и сказал директору совхоза:

– Люди стали меньше про вампира говорить. Но про идеологическую работу нам забывать нельзя. Нам надо с людьми работать и дальше – и каждый день.

Директор совхоза заметил:

– Можно и два раза в день. Ты что, меня, что ли, агитируешь? Идеологическая работа – это твое дело. Мое дело – хлеб. А ты, может, что-нибудь конкретное предложить хочешь?

– Да вот сегодня людей в клуб собираем, – сообщил парторг. – Приедет лектор из Ростова. Лекция называется «Религиозные предрассудки и как их искоренять».

– И как их искоренять? – удивился директор совхоза: его явно веселила тема приезда лектора.

– А ты не смейся! – сказал парторг. – Знанием искоренять.

Марксистско-ленинской методологией.

Директор перестал улыбаться. Во-первых, слово «методология» не располагало к шуткам. Во-вторых, был он коммунистом дисциплинированным и ко всему марксистско-ленинскому относился серьезно. И действительно, он вспомнил, что на дверях висит объявление, он его заметил, но не обратил особого внимания.

– А после лекции фильм, – сказал парторг, – «Земля Санникова», чтоб приятное с полезным, так сказать.

– «Есть только миг между прошлым и будущим...» – забубнил директор.

– Мы после лекции сразу ко мне пойдем, ну, принять надо, человек из города, сам понимаешь, – продолжал парторг.

– «Вечный покой сердце вряд ли обрадует...» – напевал директор, – вечный покой для седых пирамид...».

– Вот так вот, – припечатал парторг.

14. Приезд лектора

Лекция состоялась в назначенное время. Коммунисты совхоза обеспечили явку, и мероприятие прошло на высоком идеологическом уровне. Лектор, невысокий, полноватый, средних лет мужчина, с густыми бровями над бесцветными глазами, говорил как-то вкрадчиво, но в то же время убедительно. Как будто хотел сказать: «Я что? Я человек скромный, а против правды, товарищи, не пойдешь». Закончив, он спросил:

– Вопросы есть?

– Вот у меня, товарищ лектор, вопрос, – встал скотник Витек, который рассказывал про сходство вампира с мишенью на полигоне, – вот, товарищ лектор, у меня вопрос: вампиры бывают или не бывают?

– Ты мне это брось, – прикрикнул на всякий случай парт-орг.

– Да нет, зачем же, – ответил лектор, – товарищ спрашивает, надо ему ответить. Так вот, вампиров, уважаемый товарищ, не бывает. Бывают странные совпадения, слухи, страшные сказки. Но вы представьте себе: как мертвый человек может ходить? Это сказки, дорогие товарищи. Мертвый человек ходить не может. И потом, представьте себе, как он будет пить кровь? У него же нет желудка. Куда эта кровь девается? Или он до ветру, понимаешь, ходит? Это же смеш-

но, товарищи. Ну были когда-то народные поверья. И что, теперь Бабу-ягу будем бояться? Кощея Бессмертного? Давным-давно, когда народ жил в невежестве, люди в это верили. Это помогало держать их в страхе, чтобы их удобнее было эксплуатировать. Но потом оказалось, что ничего такого на свете нет. Сказки – сказками, а реальность – реальностью. Вот я вам расскажу любопытную деталь. Существует аллергическая реакция доктора Баумгардена. Немецкий врач Баумгарден ее открыл и описал. Она проявляется так, что на коже появляются маленькие круглые ранки, похожие на следы прокола кожи. Если эти ранки появлялись на шее, люди начинали фантазировать, что это следы зубов вампира. Но теперь, когда наука уже описала это явление, когда мы уже знаем, что это такое, всякие разговоры о следах зубов вампира могут у нас вызвать только улыбку. Правда, товарищи? Конечно, легенды о вампирах были очень распространены, особенно в Средние века. Тогда люди верили в ведьм, эльфов и разных других мифических существ. Сказок было много. Но реально никто и никогда вампира не видел. О них, правда, существует обширная литература. Но и про леших, про домовых, про водяных тоже написано немало. И что из этого? Видел их кто-нибудь когда-нибудь? Вот вы сами, товарищи, вы когда-нибудь видели вампира? – спросил лектор, улыбаясь.

Витек нервно сглотнул. Парторг привстал и внимательно оглядел собравшихся, потом, удовлетворенный отсутствием

видевших вампира, повернулся к лектору и голосом, убедительно слащавым, прокомментировал:

– Раз не бывает, стало быть, и не бывает... И нечего тут! – А обращаясь к лектору, парторг добавил: – Спасибо вам, товарищ лектор, за содержательную лекцию. Поблагодарим товарища лектора!

Зал отозвался аплодисментами.

Потом свет погас, на экране замелькали фамилии актеров: Олег Даль, Владислав Дворжецкий...

15. Ужин у парторга

А парторг тем временем вел лектора под руку, оберегая от неровностей дорожной поверхности.

– Мы тут, товарищ лектор, поужинаем, – говорил парт-орг, – а потом в клубе, где вещи оставили, и переночуете, там в гостевой комнате кровать имеется и, я извиняюсь, туалет. Там сторожика библиотеку охраняет. Вот и будет вам уютно и спокойно. А завтра грузовик в Ростов идет за запчастями. Вот вас и отвезет.

– Поужинать – что ж, отчего не поужинать, спасибо, – отозвался лектор.

Дома у парторга все было приготовлено, водка была холодная, а жареная картошка была горячая. Все деревенские разносолы присутствовали в лучшем виде – нарезанная домашняя колбаса, маринованные помидоры... Нет смысла описывать деревенскую еду! Столько раз ее описывали, а без всяких описываний понятно, что лучше ее все равно никакой другой еды не существует.

Директор совхоза пришел чуть позже, но пришел дисциплинированно. После какой-то там по счету рюмки он все-таки не выдержал и спросил:

– Вот вы, товарищ лектор, говорили, что религиозные праздники вредят здоровью, в чем же состоит вред?

– Ну в том, что люди объедаются, а это вредно, – сказал

лектор.

– Я, конечно, извиняюсь, – сказал директор совхоза, – а на Первое мая они не обедаются? Не напиваются? Выходит, что на религиозные праздники – это вредно, а на советские – нет.

И тут беседа приняла неожиданный поворот.

– Вы знаете, – просто сказал лектор, – мы говорим народу то, что должны говорить, и это правильно. Наша позиция должна быть ясной и твердой. Даже если необходимость требует использовать инструменты пропаганды, мы не должны от этого отказываться для народной же пользы. Я сегодня говорил про реакцию Баумгардена, но как коммунист коммунисту – вам-то я могу сказать – никакой такой реакции Баумгардена нет. Это просто методологический прием. Но народ пусть думает, что она есть.

У парторга лицо вытянулось и явно испортилось настроение. Лектор же продолжал:

– Но ведь на самом деле давайте скажем себе откровенно: вопрос с этими религиозными предрассудками не так прост. Есть много вещей, которых мы не понимаем.

Директор посмотрел на лектора удивленно и одобрительно крякнул:

– Согласен.

– Вот сегодня был вопрос про вампира, – сказал лектор, – сказки, конечно, это все, но в средневековых хрониках есть описания, как вампиры уничтожали целые деревни.

Парторг при этих словах вздрогнул и окончательно по-мрачнел.

– Скажите, а как люди с ними боролись? – спросил директор.

– Ну, как боролись, – сказал лектор, – молитвы читали – не помогало, конечно же, чесноком мазались – вроде бы вампиров это отпугивало. И вроде бы их можно убить только серебряной пулей. Да, говорили еще, что вампира можно обезвредить, если всадить ему в сердце осиновый кол. Затрудняюсь объяснить, почему именно осиновый. Может, потому, что Иуда повесился на осине.

Лектор говорил красиво, складно, слушать себя ему было приятно:

– Еще существуют предания, что вампиры заражали людей своим вампиризмом, когда пили их кровь. И целые большие деревни превращались в вампиров, они сбивались в стаи, нападали на другие деревни и даже на армии. Нападает такая стая вампиров на армию, которая ночью расположилась на привал. И на утро целая армия становится вампирами. Сказки все, конечно, хотя бог его знает. Описания даны довольно реалистичные. Я являюсь специалистом по истории Средних веков, мне приходилось читать старые немецкие и французские хроники. Так, знаете ли, правдиво описано, что даже не верится, что это выдумки.

Тут парторг окончательно впал в тоску и подавленность.

– Время позднее, – перебивая на полуслове лектора, ска-

зал он, – вы, наверное, спать хотите, заговорили мы вас тут.

– Большое спасибо за ужин, провожать меня не стоит, тут через дорогу, – засобирался лектор.

После всего выпитого опьянел он не сильно.

16. Разговор Фролова с лектором

Сторожиха провела лектора в отдельную комнату, показала, где туалет, и со всей свойственной ей деликатностью ушла сторожить библиотеку. Лектор готовился ко сну, думая о том, почему именно к библиотеке приставлена сторожиха. Неужели именно книги крадут здесь в первую очередь? Но удивился своей недогадливости. Как это почему? Это же книги. А книги разные бывают. Если украдут, например, «Руководство по дельтапланеризму», то это еще полбеда. Или даже университетские, что, кстати, крайне маловероятно, залезут ночью и вынесут... Ну пусть даже не ровен час трилогию Егора Колдобина «Семикаракоры в огне», то это опять-таки еще полбеда. Ну а вдруг кто-то украдет выдающуюся книгу товарища Л. И. Брежнева «Малая Земля»? Это уже не шутки. Или «Антидюринг» Фридриха Энгельса? Вот за это парторга по головке не погладят. Правда, лектор по-прежнему не понимал, кто и зачем бы стал эти книги красть? Их нельзя продать: никто их не купит. А читать их можно и в библиотеке, тут столы поставлены, стулья. Есть лампы на столах, вода в графине. Читай себе, сколько хочешь. Но вдруг по пьянке, просто от лихости, просто ради самого поступка мужики утащат все-таки третье издание Полного собрания сочинений В. И. Ленина.

От самой мысли, что такое возможно, рождается понима-

ние необходимости в охране. А вдруг они потом обольют его керосином и подожгут. Просто чтобы посмотреть, что получится. И получится очень-очень большой скандал. Потому что это идеологический вопрос...

Мысли лектора сладко путались перед сном...

Вдруг дверь тихонько приоткрылась и вошел какой-то мужик.

– Не помешаю? – спросил мужик.

Лектор сидел в одних трусах на кровати, мужик его явно смутил, но сказать «помешаете», он, конечно, не мог. Это было бы нетактично по отношению к местному деревенскому человеку, он мог бы расценить это как городское высокомерие.

– Я вас на лекции не припоминаю, – сказал лектор, у него была отличная память на лица.

– А не было меня там, – сказал мужик. – Мне, где все собираются, нельзя. Меня узнать могут.

– И что будет, если вас узнают? Вы что, преступник? Убийца? – Лектор улыбнулся.

– Убийца, – сказал мужик без улыбки.

– Ну, тогда и, правда, не стоит рисковать, – сказал лектор и еще раз улыбнулся.

– А вы скажите, – спросил мужик, – вы на войне были?

– На войне я не был, возрастом не вышел, старший брат был, – ответил лектор.

– А где служил? В каких войсках? – спросил мужик.

– На флоте, – ответил лектор.

– А, ну тогда он не знает, – разочаровался мужик.

– Чего не знает? – удивился лектор.

– Если бы он в танковых войсках служил, тогда он, может, и знал бы, – ответил мужик.

– К сожалению, ничем не могу вам помочь, – отозвался лектор, – да и время позднее, спать пора.

– У меня на войне такое было! – сказал мужик.

– Да вы на войне не могли быть! Вы ж младше меня! – удивился лектор.

– Да был я, был! – настаивал мужик.

– Вы какого года рождения? – спросил лектор.

– Двадцать третьего.

– Да ладно вам, – засмеялся лектор. – Вам же не больше сорока.

– Больше мне, больше, – сказал мужик.

– Странно, – сказал лектор. – И что же вы видели на войне?

– Что я видел? – спросил сам себя мужик и стал тереть лоб. – Я танкиста раненого видел. Танкисты нас выручили, они молодцы. А его подбили, он из горящего танка вылез весь обгоревший.

– Да, война – страшная вещь, – сочувственно закивал лектор.

– А потом у него один человек кровь пил, – продолжал мужик. – И я спросить хотел, может, кто видел такое? Кровь

пить – это я понимаю. Это такой голод бывает. Но как у танкиста раненого можно? Вот это я не понимаю. Он же умирал.

– Как это вы понимаете? – заикаясь, спросил лектор.

– Да и ты понимаешь, – сказал мужик, – ты же все знаешь про таких, как я. Ты в книжках читал.

– Это вы шутите? – почти прошептал лектор.

– Да какие тут шутки, – отозвался мужик, – прихватит, и будешь пить кровь. Как миленький. А куда ты денешься? Ты же знаешь, как это бывает. В книжках же написано все.

Мужик приподнял пальцем верхнюю губу и показал лектору клык. Клык был совсем небольшой, почти нормальный, но сам жест...

– Я не вру тебе. Я правду говорю, – сказал мужик, – ты же про все это знаешь, может, ты мне скажешь, как мне быть, а то меня грызет тоска какая-то. От этих дел.

Лектор побледнел, на лице у него застыла гримаса подавленности, но он пробовал как-то не показывать этого, боясь спровоцировать реакцию. Он, конечно, был марксистско-ленинский лектор, но, во-первых, ночь на дворе. Во-вторых, чужая какая-то деревня и опять же – слухи. В-третьих, клык этот... Хотя есть вероятность, что это просто сумасшедший. А вдруг нет?

– Да вы не волнуйтесь. – Лектор чувствовал, что говорить ему все труднее. – Может, вам валерьянки выпить? У меня есть валерьянка. Мне жена всегда в дорогу кладет.

– Давай. Отчего не попробовать. А вдруг помогает? – со-

гласился мужик.

И лектор действительно дрожащими руками накапал в стакан валерьянку, долил воды. Мужик взял стакан, понюхал, но пить не стал, поставил стакан на стол.

– Нет, – сказал он, – я это не могу пить. Я вообще ничего ни пить, ни есть не могу, что раньше ел. Я пробовал – не получается ничего. Спасибо тебе, извини. Не могу.

– Вы не волнуйтесь, – сказал лектор, – вам наверняка можно помочь. Теперь медицина так пошла вперед. Приезжайте в город, у меня есть знакомства. Вы днем можете приходить?

– Нет, днем я, кажется, в могиле лежу, – ответил мужик.

– Ничего. Можно и ночью. Есть новые лекарства. Вы только не переживайте, – засуетился лектор.

– Ты мне скажи, городской человек, – спросил мужик, – что дальше будет? Ты скажи, не бойся, я тебя не трону. Ты вон боишься весь, я думал, если человек знает, он не боится. А ты затрясешься сейчас.

– Пока человек не знает, – ответил лектор вернувшимся голосом, – он как раз и не боится. Он, когда знает, вот тогда-то и боится.

Голос его укреплялся, но на новые высоты поднимала его начинающаяся истерика.

– Что с тобой будет? – продолжал лектор. – Сначала ты всю деревню загубишь, потом на другую перекинешься. Станешь ты огромный, сильный, никто тебя не сможет победить. Но тебе от этого радости не будет. Ты станешь как огромный

младенец – есть, спать, есть, спать. Потом найдется святая душа или люди миром против тебя объединятся. И лишишься ты всей своей силы. Силы ты лишишься, а голод останется. Тогда-то ты будешь маяться, пока не умрешь совсем. Разве что найдешь себе родственную душу, которая тебе поможет. Даст тебе немного крови, чтобы сила хоть ненадолго к тебе вернулась. Тогда быстро уходи, пока у тебя сила есть для этого. А то совсем плохо тебе будет. Так в хрониках написано. А если ты себе вампирицу найдешь, тогда тебе нет спасения. Лучше простую бабу найди.

– Ну, пойду я, – сказал мужик.

Он встал, открыл аккуратно дверь, прошел по коридору, открыл входную дверь, вышел на улицу и закрыл дверь за собой. Лектор хотел встать и закрыть дверь в свою комнату, но почувствовал, что ноги не слушаются его.

Он так и сидел в трусах, глядя на дверь, а на простыне вокруг него расплывалось мокрое пятно.

17. Начало эволюции Фролова

Позже Елизавета Петровна характеризовала этот период загробной жизни Фролова как начало его возврата почти к человеческому существованию. Он не шарахался от стен, нормально владел собой, хорошо понимал, кто он и что ему нужно. И это понимание не тяготило его. Он узнавал людей вокруг себя, потому что знал их при жизни и понимал, какая опасность ему грозит и какой страх внушает он сам, осознавал свою огромную физическую силу, свои возможности, но было ясно, что его в какой-то момент поймают, если он будет действовать в открытую. Он научился не оставлять после себя следов и мог контролировать себя. В конце концов, можно делать это аккуратно, а не впиваться в шею, есть ведь жилочки на руках, на ногах, и ранка тогда не очень сильно отличается от расчесанного укуса комара, и если приходить к нескольким людям за ночь, то им от этого большого вреда нет. И так можно спокойно жить. Если люди тебя не боятся, то можно питаться ими сколько хочешь. Лучше даже приучить их к тому, что ты есть, но ты никого не трогаешь. Так им кажется. Ну мало ли, как ты питаешься! Есть коровы, лошади, собаки – полно также диких животных, но главное – людей ты вроде бы не трогаешь, и они к этому начинают привыкать. Ну, в конце концов, вампир и вампир. Люди вообще разные бывают. Одного в тюрьме пидаром сделали,

другой – псих, по ночам ходит по крыше, третьему нравится кошек вешать. Об алкоголиках я вообще не говорю. А этот – вампир! Ну вампир и вампир, и что?

Мне Елизавета Петровна рассказывала, что он очень хотел, чтоб это все так и осталось. Тем более, он никому особенно не мешал. Днем его вообще не было видно, а в темное время суток на глаза он особенно не попадался, в общественных местах не появлялся. Пугать народ совсем перестал. По вечерам иногда его видели, но он вел себя тихо. Мужики кричали:

– Эй, как дела вампирские?

– Да нормально, – отвечал он.

– Кровь-то пьешь?

– Да нет, не пью.

– Да врешь небось.

– Да нет, не вру.

– Ну, на нет и суда нет. Хрен с тобой, ходи, кровь, смотри, не пей!

Елизавета Петровна молча выслушивала его рассказы, она понимала, что это затишье долго не продлится, но говорить ему об этом не хотела – пусть продлится сколько может.

18. Встреча у реки

В одну из ночей он увидел, что на пляже кто-то есть. Видел он в темноте лучше, чем днем. А ночь как раз была безлунная. Ночь была очень жаркой, даже душной. Время – перед рассветом. Вокруг никого не было, он это чувствовал. Кроме одного человека, верней, одной. На лавке под деревянным грибочком возле воды лежали ее вещи. Женщина была в воде, но смотрела не на берег, а в другую сторону. Он осторожно подошел, спрятался. Она повернулась и начала выходить из воды. Чувства голода он к этому времени уже не испытывал, оно было надежно – на сутки или двое – удовлетворено.

Женщина остановилась на песке перед водой. Он чувствовал, что ее обнаженность волновала ее, хотя и вокруг, как она думала, никого нет, и она понимала, что никого нет, но ведь не исключено, что кто-то мог бы и быть. И это чье-то воображаемое присутствие рядом с ее наготой волновало ее. Он наблюдал, никак не обнаруживая своего присутствия. Она была сложена не по-деревенски. Стройная. Было ей лет 30, не студентка. Но явно из университетских. Деревенская бы не стала бегать голая по деревне, даже в самую глухую ночную пору. Черные распущенные волосы, баба довольно красивая.

Она сделала несколько шагов и оказалась возле своего

платья. Взяла полотенце и стала вытираться. Он стоял за ее спиной и понимал, что она не знает о его присутствии и, если узнает о нем, перепугается до полусмерти, а этого ему как раз не хотелось. Поэтому он дал ей спокойно надеть платье и показался ей так, что его появление выглядело естественным.

– Не спится, что ли? – спросил он.

– Вам, я смотрю, тоже не спится, – ответила женщина.

– Успнешь, когда такие в реке купаются, – заметил Фролов.

– А вы подглядывали? – удивилась женщина.

Даже в темноте он понял, как она покраснела. Но покраснела правильно. Не от возмущения, а от стыда, вызывающего бурю, которой нельзя сопротивляться. Он почувствовал, что его власть над ней сейчас безгранична, что он скажет, то она и сделает.

– Вот как ты это платье надела, так ты его и снимай! – приказал он. – Под платьем-то ничего нет, я видел.

Он смотрел ей прямо в глаза, спокойно, как-то чуть ли не по-хозяйски. Он отлично понимал, что с ней происходит, вообще он мог понимать, что человек чувствует и думает, это он уже знал за собой. И знал, что может внушать человеку и его будут слушаться. А при жизни такого за ним не водилось.

Она помедлила немного, потом дрожащими пальцами стала расстегивать пуговицы, потом стянула платье, губы ее слегка приоткрылись, он чувствовал, что она задыхается. Она стояла голая перед незнакомым мужчиной. В конце кон-

цов, за этим она сюда и пришла, хотя ни за что бы не поверила, что это возможно. Происходило невозможное. Он снял через голову рубашку, у него было сильное тело сорокалетнего мужчины, сделал шаг к ней – она положила руки ему на плечи, и, когда он прижал ее к себе, она чуть не потеряла сознание.

«Вот интересно, – подумал он, – стоя с бабой никогда не жил».

Она одной рукой обняла его за шею, он никогда не видел, чтобы бабу так трясло. Она прижимала свою голову к его плечу. Не кричала, а просто старалась подавить это, прижимая рот к его телу. Наконец она не выдержала и застонала так громко, что он сказал:

– Тихо-тихо.

Небо стало сереть, и он сказал:

– Мне пора.

Елизавета Петровна рассказывала мне, что они стали встречаться каждую ночь. И он доводил ее до почти бессознательного состояния, а потом, когда она засыпала, пил ее кровь. И это была самая лучшая кровь из всей, которую он пробовал. Она не замечала на себе никаких следов. Через несколько дней она попробовала разговаривать с ним, спрашивала, кто он, как его зовут, что он делает, он говорил:

– Лучше тебе пока этого не знать.

И он чувствовал, что ей страшно, но его власть над ней была так велика, что она, наверное, пришла бы, даже хорошо

понимая, какая опасность ей грозит.

19. Тамара Борисовна

Кандидат биологических наук старший преподаватель кафедры органической химии факультета биологии Ростовского государственного университета имени М. А. Суслова Иевлева Тамара Борисовна была женщиной слегка экзальтированной, любила стихи Беллы Ахмадулиной и Андрея Вознесенского, увлекалась авторской песней и даже сама немного играла на гитаре, поругивала советскую власть, курила, но с мужчинами ей не везло. Они тоже любили Вознесенского и Ахмадулину, тоже поругивали советскую власть, и все это было как-то любопытно и приятно, может быть, интересно, но не более того. Она успела побывать замужем, развестись, детей, к счастью, не было. Успела сменить пару любовников, нормальные в принципе ребята. Один был помладше ее, другой постарше. Но по ночам ей снились сны, которых она никому не могла рассказать. Именно после такого сна она пошла на реку купаться, понимая, что уже не уснет.

И этот мужик, появившийся из ночи, был как бы продолжением этой ночи, в которой Тамара Борисовна была одна и без одежды. И с ним вместе в самые острые моменты близости она продолжала быть одна, а он был частью мира, не связанный с ней ни любовью, ни привязанностью. Он был как ветер, он был частью природы, чем-то внешним по отношению к ней. Он приходил из мира, как приходит дождь,

как приходит ночь, он был воплощением мужского естества. Без всяких социальных условностей, без всяких психологических контекстов, он не спрашивал ее согласия, так же как ветер не спрашивает согласия, когда треплет ее волосы. И когда она вспоминала о нем в дневное время, уставшая, не выспавшаяся, на совхозном поле, с ящиком огурцов в руках, на нее накатывала такая волна, что она замирала с этим ящиком, и ей стоило труда скрывать от окружающих свое состояние.

20. Народные дружинники

Дальше, как я понял, сложилась дикая ситуация. Действительно дикая. Значит, так, по хутору ходит вампир, все к нему начинают привыкать, никаких мер против него не предвидится. А как же его жертвы? Петрову похоронили, родители ее приезжали, был вообще какой-то ужас. Сердюкову девку, правда, удалось откачать и привести в чувство. Но состояние ее было нехорошее, и ее увезли к бабушке в Волгоградскую область.

Петров и Сердюков пришли к участковому и стали задавать ему разные вопросы. Например, такой вопрос: есть ли вообще социалистический правопорядок на хуторе Усьман или нет? Как такое может быть, чтобы убийца на свободе разгуливал по хутору, мужики его бы видели чуть не каждый вечер, а участковый притворялся бы, что его это не касается? Участковый не знал, как им объяснить, потому что они были оба в нервах и выпивши.

Но это был совершенно особый случай в его жизни. Посадить человека очень легко, но для этого у человека должны быть документы, и сам этот человек должен быть живой. Тогда он сажается в один момент. Но как посадить человека, если он мертвый и без документов? Паспорт Фролова, пенсионную книжку и что там еще у него было участковый сам лично изъял. А дом опечатал. Человек от этих документов

лежал на кладбище. Для того чтобы привлечь его к ответственности, надо было его выкопать. Но это же дикий бред. А тот, кто ходит по селу, кстати, участковый сам его не видел ни разу, точно был без документов. Точно. Вампирам не дают паспортов. А может, выдать? Но на каком основании? Кто его родители, где он прописан? Как его фамилия, в конце концов. Фролов? Не-е-ет! Фролов лежит в могиле. А это кто, вообще непонятно. Как его судить? За что? За вампиризм? Так нет в Уголовном кодексе такой статьи.

А с другой стороны, получается, что у нас в Стране Советов ножом человека пырять нельзя, стрелять из ружья нельзя, душировать нельзя, бить ногами нельзя. А кровь пить, получается, можно?

– Смотря кому, – возражал участковый. – Комар же может пить кровь, никто его за это в тюрьму не посадит. А вампир – это тот же комар, только очень большой...

От этой мысли участковому сделалось дурно.

Но тут Петров и Сердюков резонно спросили:

– А если комара прихлопнуть, это подсудное дело или нет? А если очень большого комара прибить, это подсудное дело?

Участковый объяснял:

– Будет труп. А у нас в Стране Советов если есть труп, должен быть и осужденный. Такой порядок. И труп как раз может быть без документов. И тогда уже неважно, вампирский это труп или человеческий. Никакая экспертиза этим

не будет заниматься. Просто посадят того, кто убил, и все.

– А что же делать, так и будем смотреть? А если он еще кого-то убьет? – спросил Петров.

Вот на этот вопрос участковый ответа не знал. А кто должен знать? Петров и Сердюков спрашивали правильно, участковый понимал, что знать полагается ему. Но он не знал.

Участковый не мог просто сказать мужикам: «Идите по домам». Если они выйдут отсюда, неизвестно, куда они пойдут, кого они найдут и что будет. Любого мужика, которого они не узнают в темноте, они могут покалечить.

И еще в глубине души он понимал, что, хотя в законном порядке их намерения можно квалифицировать в соответствии со статьей Уголовного кодекса, в этом случае за ними стоит правда, которую он не может не признать. Поэтому выгнать их он просто не мог. Но и объявить охоту на вампира он тоже не мог себе позволить. Не будут на его участке пьяные мужики охотиться на вампира, которого они ни разу не видели. Нужно было найти какой-то выход.

Участковый открыл ящик своего письменного стола, порылся в нем и бросил на стол две красные нарукавные повязки с надписью «НАРОДНЫЙ ДРУЖИННИК».

– Повяжите на левую руку, – сказал участковый, – сделаем обход.

Он демонстративно пристегнул кобуру, посмотрел на них внимательно, и они вышли из комнаты. Он запер за собой

дверь, и летняя ночь приняла троих мужчин – двух пьяных, одного трезвого, одного вооруженного и двух безоружных.

– Смотрите в оба, – сказал участковый, – но без моей команды ничего не делайте.

Первым встречным мужчиной оказался незнакомый им водитель из Багаевки, вторым – очень хорошо знакомый рабочий-скотник Степан. Степану объяснили, куда они идут, хотя участковый и просил этого не делать. Степан воодушевился, что было неудивительно, поскольку он тоже находился в подпитии, и выразил желание идти с ними. Но участковый этому категорически воспротивился, сославшись на отсутствие третьей повязки с надписью «НАРОДНЫЙ ДРУЖИННИК». Степана это обстоятельство убедило вполне, к тому же ему было бы обидно, почему на них есть повязки, а на нем – нет.

Так они ходили по деревне около часа, и участковый с глубоким удовлетворением замечал, что мужики почти совсем протрезвели.

Он уже было хотел забрать у них повязки и отправить домой: сегодня, мол, ничего, а завтра посмотрим. Но вдруг ему показалось, что в доме Фролова, который был отсюда виден и который он своими руками опечатал, было какое-то движение.

– За мной! – скомандовал он и пошел к дому.

Теперь он был рад, что с ним были мужики, которых в случае чего можно было использовать в качестве понятых.

Они стояли под окном, в доме было тихо. Никаких движений, никаких шевелений. Пломбы на входной двери были не тронуты. Он постоял еще немного и уже хотел уходить, но вдруг он увидел, что окно со стороны сада приоткрыто. Он прижал палец к губам, давая понять мужикам, что надо сидеть тихо-тихо. Расстегнул кобуру, вытащил «ПМ» и, осторожно поднявшись на крыльцо, неожиданно сильно толкнул входную дверь, так что щеколда замка отлетела и двери распахнулись.

Он вошел первым, потому что он был вооружен, а они – нет и потому что это он был милиционер на службе, а они – гражданские лица. Но никто на него не нападал, никто не пытался причинить ему вреда, как никто и не убегал, и не сопротивлялся.

Вошедшим предстала такая картина: на кровати, освещенная лунной, свет которой лился из окон, лежала голая женщина, довольно красивая, и спала. Вторжение не разбудило ее. Она лежала, вытянув руки вдоль тела, ладонь правой руки была на правом бедре, голова на подушке, темные волосы вокруг лица, одна нога чуть согнута в колене, лежит на другой.

Женщина спит. Ее груди с маленькими темными сосками поднимаются и опускаются, и отлично видно все вплоть до самой маленькой складки на коже, до капельки пота между грудями, до последнего волоска. Кажется, что ее тело светится в лунном сумраке и от него идет тепло. Возбужден-

ные опасностью мужчины еще сильнее почувствовали, как это тепло входит в них через ладони.

У изголовья, подобрав колени под подбородок, сидит голый мужчина и смотрит на них вообще без всякого страха. Точно так же, как минуту назад участковый, он прижал палец к губам и тихо сказал, указывая на женщину:

– Не разбудите!

Участковый направил на него пистолет.

– Вы задержаны! – сказал он и невольно покосился на женщину.

– А что такое? – удивился голый мужик.

– Я тебе, сука, покажу, что такое, – начал было Петров, но участковый дал ему знак молчать и сказал сам:

– Разберемся в отделении. Вы тут не имеете права находиться – дом опечатан, – и опять перевел взгляд на женщину.

– Да мы сейчас уйдем, – сказал мужик.

– Никуда ты не уйдешь, а пройдешь со мной, – повторил участковый.

– Хорошо, – сказал тот.

– Ваша фамилия? – спросил участковый.

– Фамилия – Фролов, – ответил мужик.

– Ах ты, сука позорная, – зацедил было Петров.

– Отставить, – приказал участковый.

Фролов легко перебрался через женщину и сказал:

– Только дайте одеться – не пойду же я с голой жопой по деревне.

– А где твои телеса? – удивился Сердюков. – Что-то ты не похож на Фролова.

Перед ними стоял сорокалетний мужчина, прекрасно сложенный, без всяких признаков обвислого живота и прочих особенностей, свойственных его живому предшественнику. Но человек этот был – вне всякого сомнения – живой, из плоти и крови, нормально с членом, на Фролова вообще не похожий.

– Что ты видишь, то и есть, – отозвался Фролов, – все мои телеса.

– Фролов был жирный, в дверь еле пролазил, – заметил Сердюков.

– Никогда я таким не был, – спокойно отозвался Фролов.

Участковый засомневался, может, это вообще не тот, кого они ищут, просто забрался с бабой в пустой дом через окно.

Женщина не просыпалась, он не мог удержаться и все время косился на нее.

– Кто такая? – спросил он.

– Не знаю, – ответил Фролов, – на реке познакомился. Ее нельзя будить, если сейчас проснется, заболеет.

– Что?! – опять зацедил Петров. – Кровь у нее пил?

– Да вы что?! – удивился мужик. – Какую кровь?

– Такую кровь! – отозвался Петров. – Как у моей Нинки. Так ты ее еще и тово в придачу!

– Я твою Нинку в глаза не видел, – сказал мужик.

– Врешь, сука, – не поверил Петров.

– Зачем бы я врал? – удивился мужик.

– А чтоб я тебя не прибил, – пригрозил Петров.

– А ты прибей меня, я слова не скажу, – предложил Фролов.

– А ты правда Фролов? – спросил Сердюков. – Что-то не похож.

– Я – не он, – настаивал мужик.

– А кто? – спросил участковый.

– Дайте одеться. – Мужик поднял лежащую на полу рубашку.

«Вроде и правда не он, – подумал участковый, – уж больно не похож, совсем другой человек».

Женщина вздохнула во сне, положила руку себе между ногами, слегка придавила и тихо застонала. Но не проснулась. Пальцы ее медленно двигались. Она стала часто дышать, губы ее приоткрылись, и зубы сияли в темноте, как будто фосфоресцировали. Она чуть отодвинула согнутую в колене ногу, как будто облегчая себе доступ.

Участковый, как и Петров и Сердюков, смотрели на нее, остолбенев во всех смыслах этого слова, включая состояние члена.

Мужик, назвавший себя Фроловым, даже не перескочил, а как-то жутко неправдоподобно передвинулся довольно далеко по комнате к стулу, стоящему у окна, и стал натягивать трусы. От этого передвижения, совсем нечеловеческого, почему-то стало вообще невозможно терпеть, все трое почув-

ствовали почти боль в натянутых до предела, просто окаменевших членах.

– Вы только на минуту выйдите, а то пока вы смотрите, я уйти не могу, – пробормотал мужик, выдающий себя за Фролова, – а вы через секунду вернетесь, меня не будет, а она останется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.